

Синяевский

СМЕНА

20
1954

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ЕСЛИ РОДИНА СКАЖЕТ: «НАДО»...

Музыка В. ШАННСКОГО

Слова А. ДОСТАЛЯ

Темп марша

Блещет солнце на водной лазури,
на асфальте проложенных трасс.
Помнит нас Комсомольскна-Амуре,
Трудовая Магнитка, Кузбасс.

Горят сердца и взгляды. Вставай, товарищ!
Магнитка, Кузбасс.

Береги комсомольскую честь!
Пусть впереди прегорады,
но если Родина скажет: «Надо», —
Если партия скажет: «Надо», —
Комсомольцы ответят: «Есть!»

Хор повторения
Хор окончание

Блещет солнце на водной лазури,
На асфальте проложенных трасс.
Помнит нас Комсомольскна-Амуре,
Трудовая Магнитка, Кузбасс.

Припев:

Горят сердца и взгляды.
Вставай, товарищ, рядом,
Береги комсомольскую честь!
Пусть впереди прегорады,
но если Родина скажет: «Надо», —
Если партия скажет: «Надо», —
Комсомольцы ответят: «Есть!»

Все, что строи, мы строи надого,
И мы рады сегодня тому,

Что гудит Комсомольскна-Волге
Прилетят в Комсомольскна-Амур.

Припев.

Понорилась нам реки и горы,
И тайга отступала назад,
А теперь на целинных просторах
Комсомольские лесни звенят.

Припев.

Пусть идут нашей юности годы,
Сердце радостно бьется в груди,
Комсомольцы привьди и походам,
Комсомольцы всегда впереди!

Припев.

«Знаменосцу мира — советскому народу слава!» — фрагмент горельефа, выполнившего бригадой скульпторов под руководством Е. Вучетича и установленного в Главном павильоне Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Октябрь. № 20. 1954 год.

Год
издания
31-й

ПОД СЧАСТЛИВОЙ ОКТАБРСКОЙ ЗВЕЗДОЙ

Большое счастье расти, жить и работать под великой Октябрьской путеводной звездой. Это счастье завоевали для нас, советской молодежи, наши деды и отцы — рабочие, крестьяне, солдаты, матросы, поднявшиеся осенью 1917 года под руководством партии коммунистов, по гениальному плану Ленина на штурм вершины капитализма.

Великая Октябрьская социалистическая революция, свергнувшая власть царя, помещиков и капиталистов, уничтожила эксплуататорское классовое общество, смела в мусорный ящик истории все формы социального и национального гнета, создала Советское государство и обеспечила построение социалистического общества.

Уже первые документы Великой Октябрьской революции провозгласили миру программу деятельности Советской власти, для которой — от первых шагов и навсегда — высшим законом является забота о благе человека. Рождение Советской власти ознаменовалось ленинскими Декретами о мире и о земле. Борьба за мир стала основой внешней политики Советского государства. Декрет о земле завершил вековую борьбу крестьянства за землю и волею, за лучшую жизнь. Изменив социальный строй, установив диктатуру пролетариата, создав первое в мире государство рабочих и крестьян, Великая Октябрьская социалистическая революция не только разбила оковы капитализма и дала народу свободу, она сделала то, чего не могла сделать ни одна революция на протяжении всей истории человечества, — создала материальные условия для зажиточной и культурной жизни трудящихся.

В результате побед Октябрь коренным образом изменились и сознание трудящихся. В ходе строительства нового общества вырабатывалось и новое отношение людей друг к другу, новое отношение к труду, к общественному долгу. Нашему социалистическому обществу присущи новые закономерности развития, невиданные в истории человечества. Его движущие силы — морально-политическое единство советского общества, дружба народов, животворный советский патриотизм. Его ведет к побдам мудрая, испытанная в боях Коммунистическая партия — у нас есть и совесть наших людей.

Великая Октябрьская социалистическая революция стала яркой путеводной звездой для народов мира, осветила им путь к свободе, к счастью. Воочию увидев правду и красоту нашего нового мира, все новые миллионы людей во всех концах земли встают на путь, озаренный немеркнущим светом Октября. Растет, укрепляется, шаглет вперед непобедимый лагерь мира, социализма и демократии. А во главе его — детище великого Октября, могучий Советский Союз.

«Прошло тридцать семь лет. Славных и трудных, героических лет. «Шаги гигантов» — так называла нашу поступь великий французский писатель Анри Барбюс. Тридцать семь лет, наполненных борьбой и победами, подвигами ратными и трудовыми, замечательными свершениями на благо человечества. Небольшой как будто бы исторический срок, но как много, колоссально много сделано!

Мы с благоговием вспоминаем огненные дни и легендарные подвиги первых лет революции. Перекопные бои и первые суббитвы. Разгром империентов и победу над разрухой. Ленинский призыв учиться.

Никогда не изгладится из памяти народной нападки и поджог горы Магнитной, обжигавший ветер сталинградской строительной зимы, покорение днепровских порогов и штурм приамурской тайги. Первая лампочка Ильича в деревенской тьме, первые тракторы на колхозных полях.

Так закатилась сталь, так прошла наша зрелость в годы первых пятилеток.

А потом война, самая кровавая из войн человечества, когда советский народ в единобрстве с германским фашизмом отстоял честь, свободу и независимость своей Родины, освободил народы мира от угрозы гитлеровского порабощения.

Подвиги советских людей в Великой Отечественной войне — величайшее свидетельство моральной силы нашего народа. Мы вспоминаем войну — и на память тотчас же приходит светлые образы Зои, молодогвардейцев, рядового солдата Александра Матросова, тысяч и тысяч героических сынов и дочерей всех народов, нессяющих великий и могучий Советский Союз. Героев фронта, как и героев тыла, трудом своим кованных победой, выстояла Коммунистическая партия.

Октябрьская революция родила нового человека, свободного труженика, коллективиста и интернационалиста, советского

патриота, неустанного борца за мир. Октябрь, советский обществственный строй, партия воспитали строителя коммунизма. Крестный знаменщик Никита и гитлер не показывали такого массового героизма в повседневном труде, какой он ежедневно являет миру у нас.

Алексей Максимович Горький в одном из своих очерков нарицательную картину митинга в Петрограде в предоктябрьские осенние дни 1917 года. Выступил солдат и говорил:

«...Землю мы обязательно в свои руки возьмем, — обязательно! И все на ней перестроим...»

— Круглая будет, как арбуз, — насмешливо вставил... господин в кепке.

— Будет! — утвердил солдат.

— Горы-то сроете?

— А что? Помешает, и горы сроем.

— Реки-то вспять потекут?

— И потекут, куда укажет. Что смеешься, барин?

Насмался плотный, жилистый, круглолицый человек с черными усами.

Солдат схватил его за плечо, встряхнул и сказал в лицо ему: — Дай срок, образумится народ, он тебе, дураку, такое покажет, что в пояс поклониться...»

Победа Октябрьская революция, и пришел тот срок, которого ждал, в который верил, за приближение которого вел торопливую борьбу народ — строил историю. На благо человечества, во имя мира и процветания на земле советские люди срывают горы и заставляют реки течь вспять, расщепляют атомное ядро и перелезают природу, строят высотные дворцы науки и мощные гидроэлектростанции, насаждают чудесные сады, возводят дома и осушают болота...

Партия, осуществляя великую программу неуклонного подъема материального благосостояния и культурного уровня советского народа, поставила ныне задачу поднять и засеять миллионы гектаров плодородных целинных земель. Предназначение партии всегда увенчивается успехом, ибо они жидутся на гранитной основе марксизма-ленинизма, ибо партия и народ едины, ибо политика партии отвечает жизненным интересам и сокровенным чаяниям народа.

Мир воочию увидел: в ковальных степях Казахстана, на просторах Алтая, Сибири, Урала, на бескрайних земельных просторах, которых раньше не касался пауг, нынче летом заколыхалось пшеничное море. А осиную с подножья целины в бундера комбайнов потекло золотое зерно нового урожая.

Как ставшая бы комсомолом Иван Кишинец, лучший комбайнер Джамсильского совхоза в Казахстане, когда смог послать отцу на Харьковщину несколько спелых колосцев:

Смотри, тату, какую пшеничку здесь вырастил комсомол... Наши юноши и девушки работают на целинных землях со всем пылом молодого сердца. Пусть трудно в этих необжитых местах, — советский молодой человек, самоотверженный в труде, верный в товариществе, не пасует перед трудностями, а преодолевает их.

Рожденные Октябрем, воспитанные Коммунистической партией и Ленинским комсомолом, наши юноши и девушки активно участвуют в строительстве коммунизма. Нет почвы благодарней, чем почва нашей страны, нет воздуха более живительного, чем наш советский воздух. На этой почве, в этом воздухе, как нигде, расцветает человеческая личность. В СССР перед каждым молодым человеком открывается безбрежный океан возможностей. Нашу молодежь ждут открытия, свершения, чудесные дела.

Ленинский комсомол — верный помощник великой партии коммунистов. Киргизский акын в своей песне обращался к комсомолу:

Ты храбрость героев и ум мудреца
От партии принял, как сын от отца.

«Шестьдесят праздничные знамена, свежий осенний ветер колышет багряно-алые стяги и транспаранты. Легко дышится нам. Нас вырастила Коммунистическая партия. Нам всегда светит счастливая Октябрьская звезда. Сегодня мы идальнее, чем вчера, а завтра будем еще сильнее, чем сегодня. Мы идем вперед и вперед.

Здравствуй, великий, радостный праздник!

П. ПОДЛЯШУК

Этот проспект носит имя героя гражданской войны, одного из первых комсомольцев, Саша Кондратьева.

И. КОБЗЕВ, Г. КУРЕНЕВ

НА ВЫБОРГСКОЙ СТОРОНЕ

1. ПРОСПЕКТ КОНДРАТЬЕВА

На одной из тихих улиц Выборгской стороны, в старинном домике под тенными соснами, разместился летний сад № 45. В просторных комнатах рядами выстроились белые кровати. Такие же кровати стоят и на открытой решеной веранде. В доме тишина: сейчас у ребят послеобеденный час. Старая нянюшка в белом халате бесцельно обходит свои владения. Она то поправит подушку, то полнее укутает ребенка теплым одеялом.

Дня стоит хотя и солнечные, но по-осеннему зябкие.

Как сладко спится малышам под молчаливыми соснами в такую ясную, чуть морозную погоду!

...Может быть, такой же прохладный и солнечный день стоял в октябре 1917 года, когда в этот особнячок, скрываясь от инеек Временного правительства, тайно сходились на историческое заседание члены ЦК. Здесь, в этом доме, где спит сейчас на веранде десятки рабочих Выборгской стороны, великий Ленин и его верные соратники устанавливали срок и порядок проведения вооруженного восстания, откровенно вопиющего, счастливого зру в истории человечества.

Сколько таких дорогих сердцу каждого советского человека, памятных мест на Выборгской стороне!

Вот перед Финляндским вокзалом на броневике, протянув вперед руку, указывающую пролетариату путь в будущее, стоит Ленин. Многие пожилые выборгцы помнят, как в апреле 1917 года еще мальчишками бегали они сюда встречать Ильича.

На широком проспекте Карла Маркса, в здании бывшего клуба имени 1 Мая, начинал свою работу исторический VI съезд партии. Еще дальше по проспекту находится дом № 77-б, колыбель революционной молодежи. Тут в апреле 1917 года собирались первые представители рабочей молодежи Петрограда, будущие комсомолы.

В доме № 1/92 на Сердобольской улице жил после возвращения из Финляндии Владимир Ильич Ленин. Из этого дома вечером 24 октября, накануне восстания, он ушел в штаб революции — Смольный.

Здесь, на Выборгской стороне, каждый камень овеян пламенным дыханием революции.

...Мы идем по прямому, как стрела, четырехкилометровому проспекту Кондратьева.

— А знаете ли вы, почему так называется улица? — спрашивает наш спутник, секретарь райкома комсомола. — Вот посмотрите...

На фасаде дома № 14 мы замечаем мраморную мемориальную доску. На ней написано золотом: «Этот проспект носит имя героя гражданской войны, одного из первых комсомольцев, Саша Кондратьева».

Александр Васильевич Кондратьев, отец героя-комсомольца, — частый гость у пионеров 167-й школы Смольнинского района Ленинграда. Пионерская дружина этой школы носит имя Саша Кондратьева.

Выходной день. Валентин Водников с женой Валей и товарищем по бригаде Иваном Романовым возвращаются из Эрмитажа.

Сын пионерского токаря, семнадцатилетний Саша Кондратьев одним из первых вступил в ряды Петроградского союза революционной молодежи. По заданию Революционного военного комитета он помогал формировать на Выборгской стороне красноармейские отряды, а летом 1918 года вместе со многими пионерскими рабочими ушел по призыву Ленина на Южный фронт защищать молодую Советскую республику.

Мужественным и твердым человеком был этот восемнадцатилетний комиссар 235-го Невельского Советского полка. Недаром бойцы с любовью называли его «сталкиным комиссаром»!

В одном из жестоких боев с беловаряками под Бутульской Александр Кондратьев, прикрывая пулеметным огнем своих товарищей, пал в бою смертью храбрых.

Александра Кондратьева посмертно наградили орденом Красного Знамени. Тело молодого героя революции было привезено в Петроград. 23 октября 1918 года, как раз в тот день, когда в Москве открылся Первый съезд комсомола, вся революционная молодежь Выборгской стороны провожала в последний путь героя, погибшего за дело революции. Короткая, но богатая подвигами жизнь Александра Кондратьева загладила благородным огнем сердца многих ровесников героя.

Вот почему Ленинградский совет принял решение назвать его именем проспект.

...В доме № 22 по Кондратьевскому проспекту проживает старый рабочий Александр Васильевич Кондратьев, отец погибшего героя.

Мы побывали у него, видели многоценные фотоснимки, портреты Саша Кондратьева. Умные, пытливые глаза черноволосого кудрявого юноши, одетого в форму ученика реального училища, пристально смотрят с каждой фотографии.

У Александра Васильевича мы застали школьника: Они с немалым мальчишеским восхищением слушали рассказы старика о жизни его сына-героя.

— А каким он был, когда учился в школе? — задал вопрос один из мальчиков.

— Старик на минуту задумался.

— Помню, задала ученицы реального училища сочинение на тему «Осень». Саша начал его стихами. До сих пор я помню это четверостишие:

Напрасно осень золотая
Везуеу лаской осмылет:
В той ласке — смерть, берега манят
И в красоте своей грустна...

Учитель заглянул к Саше в тетрадь и похвалил его. Но چگونه было его удивление, когда он прочитал тогда в саиной тетради вместо описания осенней природы рассказ о горестной жизни рабочих! Саша знал, как живут и как трудятся рабочие на неподалеку расположенных заводах Рокенранца и Джеймса Бека. Он писал в своем сочинении, как вымучены на закате дней свои ослабевший, старый слесарь просить милостиво у завода, которому он отдал все свои силы... Помню, большие изобретности были у Саша из-за этого сочинения.

Вместе с Александром Васильевичем Кондратьевым и любознательными школьниками мы выходим на широкий Кондратьевский проспект. Старик гордо идет по улице, несущей имя его сына. Он забавно осматривает молодые деревья, посаженные здесь недавно руками комсомольцев района.

2. ТВОРЧЕСКИЙ ТРУД

В перерыве молодые рабочие гадатурбинного цеха Metallдического завода имени Сталина тесным колымом обступили Валентина Водникова.

— Ну как, Вали, съездила на Волго-Дон? — Не ругает нас на Цимлянкой ГЭС за атаки турбины?

— О четырех наших турбинах, установленных на ГЭС, инженеры отзываются хорошо,— говорит Валентин Водников.

По изволению, радостным лицам слушателей видно, что каждый в рассказе товарища почувствовал замечательные результаты своего труда, что каждый готов работать еще лучше.

— А мы уже интую турбину для Куйбышевской ГЭС начали собирать,— с гордостью сообщил Валентину слесарь-сборщик из его семьи Алексей Хорыков.

Через несколько минут Водников вместе со своими друзьями уже вознае возле рабочего колеса этой турбины. Радам с огромными деталями люди казались совсем маленькими. Вот мостовой край, точно исполненная птица, при-

подня и понес над их головами пятисоткилограммовую шпоровую ялиту. Затем ялиту начали медленно вводить внутрь рабочего колеса турбины: предстола шпоровка бронзовой ялиту.

— Осторожно, ребята! — с тревогой прокричал бригадир Водников.

Вечером, после смены, слесари-сборщики из комсомольско-молодежной бригады гадатурбинного цеха собрались, чтобы поговорить о насущных делах. Первым слово взял Водников:

— Надо, ребята, придумать, как бы нам ускорить процесс сборки. Иза-за нее уже отстать начали.

Валентин взял кусок мела и стал быстро чертить что-то на листе железа.

— Предлагаю сделать вот такую козель из рельсов. Тогда шпоровочная ялита будет податься по горизонтальному брусу не краном, а просто с помощью блоков. Это и быстрее и экономичнее.

Молодые слесари одобрили мысль Водникова. Они внесли в его предложение свои дополнения и поправки.

— Надо завтра же мастеру об этом рассказать,— подвел итог немогословый Алеса Хорыков.

Мастер участка, ножикой, коренастый человек с локматими бровями, Георгий Александрович Бугров заслуженно пользуется уважением молодежи цеха. Он потовщенный металлист.

И деа его и отец работали на этом предприятии, которое тогда называлось Санкт-Петербургским металлургическим заводом. Отец был членом заводского стачечного комитета, принимал активное участие в подготовке революции.

Не раз царская охранка устривала на квартире Бугровых обыски. В октябре 1917 года старый токарь Бугров в первых рядах рабочих бойцов пошел на штурм Зимнего дворца.

Георгий Александрович достойно продолжил семейную традицию: он, как и отец, всю свою жизнь отдал заводу. Только ему и численности от отца достался уже не каторжный труд, а радостное творчество — строить новые, просторные цехи, воспитывать молодежь, создавать для великих строек гигантские турбины.

Следом примеру отца и деда, сын Георгий Александрович Борис тоже пришел работать сюда, в этот огромный цех.

Рабочие с любовью отзываются о строгом, но справедливом мастере, рассказывают и о

Саша Позырьова со своими подругами пишет письмо уехавшим на целинные земли.

том, как забавно шефствует мастер над каждым новичком...

Очень внимательно выслушал мастер Бутров предложение Валентина Водникова. Взгляд его содвинулся теплым, ласковым.

— Умная у тебя голова, Вая. Учись, хороший инженером будешь, а может быть, даже изобретателем станешь, конструктором.

— Да я тут ни при чем, зато мы всей бригадой придумали,— смущенно проговорил Валентин.

— Предложение ваше большую экономно даст...

3. В ОБЩЕЖИТИИ НА ПУГАЧЕВСКОЙ

У каждого человека есть своя заветная мечта. Инна Муратова с детства лет мечтала о Ленинграде. Что именно влекло ее в этот город, о котором она, живя в городе Камышине, знала только понаслышке да по книгам, Инна и сама не смогла бы сказать. Вероятно, горючее сердце девушки впитывала легендарная слава колыхавшей революцией: здесь прозвучал исторический афоризм «Армия»... А красота Ленинграда! А его белые ночи! А пушкинские незабываемые стихи!

И вот с чемоданчиком в руке вышла она на привокзальную площадь в Ленинграде.

Семь лет прошло с тех пор. За это время Инна успела стать инженером, узнать и полюбить завод, куда направили ее работать. Родным домом стало для Инны шумное заводское общежитие на Пугачевской улице, на Охте.

Еще недавно эта часть Выборгской стороны была глухим пустырем, а теперь на Охте выросли и продолжают расти дома, выстраиваясь в новые, стройные улицы — Ульянова, Абрикосова, Пугачева.

В одном из общежитий на улице Пугачева мы и познакомились с инженером лаборатории Металлического завода имени Сталина Инной Муратовой.

Светлая, уютная комната, где живет Инна с подружками, одета веселыми обоями. В комнате стоит зеркальный платяной шкаф, этажерка с книгами. На стене висит картина — премия за образцовое соблюдение чистоты в комнате; привлекают внимание многочисленные вышивки. Такая комната украсила бы любую семейную квартиру. А ведь это студенческое. Нет, ее сри называют его девушки своим родным домом.

Мы пришли сюда под вечер, но почти никого не застали дома: большинство обитательниц общежития учатся — кто в школах рабочей молодежи, кто в техникумах, а кто в институте. При Заводе имени Сталина постоянно работает филиал Ленинградского политехнического института, одного из крупнейших вузов страны.

В просторной комнате отдыха решеными мимолетными работами участницы конкурсов на лучшую вышивку. Здесь мы встретили двух девушек, которые вели оживленный разговор.

— Конечно, Тамара Голынецкая займет первое место,— горячо доказывала одна из них. — А я считаю, что вышивка Инны Муратовой лучше, живописнее,— убежденно настаивала другая.

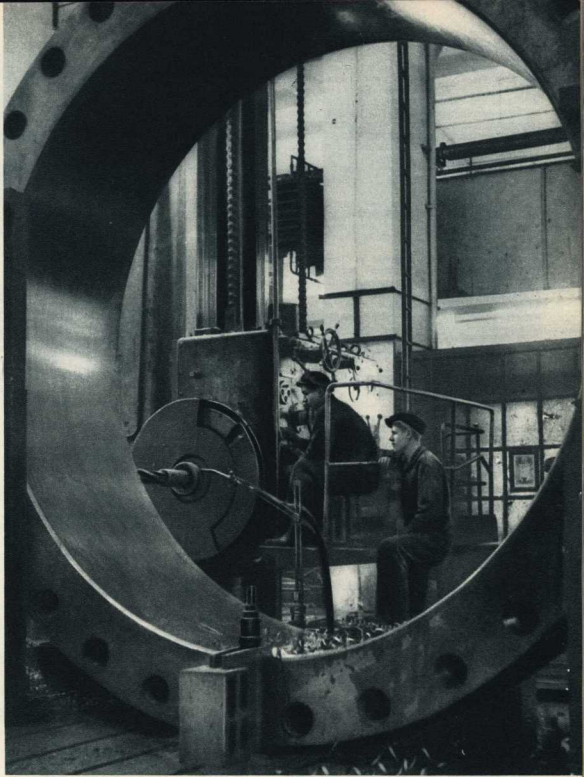
Трудно было решить, кто из них прав: обе вышивки действительно были очень хороши. Тут же мы познакомились еще с одной девушкой, которая, разложив на столе вышивки и тетрадь, готовилась к предстоящему вечеру, посвященному теме «Цель жизни»...

У Инны Муратовой сегодня тоже напряженный вечер: надо вынуть очередную «Колокольцу». Уж давно Инна является редактором этой популярной в общежитии сатирической стенгазеты. Ну и достается же от нее верхакам, зазнайкам и лодырям!

Узнав, что члены редколлегии заперлись в красном уголке, кое-кто начинает нетерпеливо просаживаться мимо двери в коридор. Одни ждут газету с радостью, с любопытством, другие — с некоторой опаской.

Совсем недавно «Кололочка» окритиковала трех неаккуратных девушек-подружек, «забывающих издать посуду после еды». На рисунке изображены тарелки, ложки и вилки, которые уезжают от своих хозяек.

Едва только успели вывесить стенгазету,

В гидротурбинном цехе Металлического завода имени Сталина. Расточка отверстий на рабочем колесе турбины.

как в редколлегию явились все три девушки. Они обещали переменить всю свою посуду, лишь бы скорее сняли «Кололочку»... Попадает от «Кололочки» и командант общежития, допускающему иногда слишком резкие выражения. Неизвестный стиховорец метко написал по его адресу:

Раз ругнешь, второй ругнешь —
Сразу пишут заявления!
Как тут выйти — не поймешь! —
Из такого положения?

В красном уголке, разложив на столах краски и кисточки, члены редколлегии обсуждают поступившие заметки.

— Справедливо обижаться девушкам,— говорит Люда Аврица.— Действительно, почему у парней в общежитии телевизор, а у девушек миллиард?

Инна Муратова читает вслух другую заметку, о том, что «в дояном поварье гризано-то». Автор предлагает поместить в стенгазете карикатуру с такой подписью: «Если поймешь в подал за дровами, прежде слай комплекс норм ГТО: 1. Прыжки. 2. Плавание. 3. Ориентировка в темноте...»

...А тем временем в комнате № 56 три подружки-революрицы — Люся Андреева, Нина Лихачева и Саша Козмыркова — сообщают пишут ответ одному своему знакомому, уехавшему на целинные земли. Собственно говоря, знакомым назвать его нельзя: ни одна из подружек и в глаза его не видела, хотя они работали с ним на одном заводе... Дело было так...

Весной, когда прозвучал призыв ЦК партии об освоении целинных и залежных земель и молодые автозаводы столицы обратились с патристическим письмом к молодежи страны, комсомолы Завода имени Сталина первыми в Ленинграде вывазились поехать на целину. Уезжавшим были устроены торжественные проводы. С нетерпением ждали от них первых весточек. Почти каждое письмо, приходящее с Алтая или из Казахстана, печаталось в заводской типографии...

Все три девушки, живущие в комнате № 56, — Нина, Люся и Саша — регулярно получали письма от своих подружек из Кустайской области и так же регулярно, по вечерам, вме-

сте отвечали на эти письма — сообщали о своей жизни, о работе.

Но однажды пришло не совсем обычное письмо. Оно было адресовано самой Веселой из девчат — Саше Козырьковой. Один незнакомый парень, который вместе с другим заводскими комсомольцами ухаживал за девушкой Саше, что давно знает ее, часто встречался с ней в проходной завода, на вечерах самодеятельности, но не решился подойти к ней, заговорить. А вот сейчас осмелел... Потом он рассказал о горьком дне в Ленинграде и о том, как с гордостью водит по полям свой маленький трактор.

Тракторист просил обязательно ответить ему, а в конце письма многозначительно добавила, что собирается лично приехать в Ленинград и отучиться и надеется, что у них с Сашей будет особый разговор...

У Саши Козырьковой анкета не было секретов от своих подруг. Поэтому письмо тракториста было обсуждено на заседании дружной «тройки». И тогда Саша писала ответ, в котором просила передать привет и от них ее новому знакомому. Правда, она его слишком мало знает, но уже хотя бы одно то, что он покомсомольски работает на целинных землях, говорит, что это хороший парень...

4. В СЕМЬЕ ПОТОМСТВЕННЫХ ВЬОРЖУЦЕВ

Звонок был коротким, разрешительным. Но Николаю Александровичу Хихёлову показалось, что телефон звонит уже давно и громко. Так поздно могли звонить только с завода. Привычным движением он нацупился в темноте трубку и услышал возмущенный голос сына:

— Отец! Со стана пошел брак...

— Я сейчас, — ответил Николай Александрович, как будто решив шла не о ночном звонке на завод, а о том, что надо выйти в соседнюю комнату.

Он оделся в темноте. Долго пришлось искать заправщика и, как это всегда бывает в спешке, никак не попадавшего под руку отца.

— Свет бы зажег, — не то сердито, не то сочувственно проговорила жена.

Но очки тут же нашлись; они лежали на своем обычном месте — на телевизоре. Осторожно приотворив дверь, Николай Александрович начал стучаться в соседнюю комнату.

Исправно неполадки, усталый, но довольный, Николай Александрович вернулся домой далеко за полночь. Пробравшись на шпильках в комнату, он неосторожно задел плечом молберст с развешенной картиной, прислушался: не разбудил ли жену?

— Живопис была давнишней страстью Николая Александровича. Еще будучи молодым, он ездил за город писать этюды и даже в годы гражданской войны, в боевой обстановке, успевая делать в блокноте наброски с натуры.

Так и повелось, что лучшим отдыхом для него стали те редкие часы, когда он мог дойти на шпильки стая шеструю, пахнущую лаком палитру. Николай Александрович всегда именовал себя «слесарем» и, не решаясь показывать свои работы даже лучшим друзьям.

— Ну какое это художество... смущается Николай Александрович и старается перевести разговор на другую тему, особенно в тех случаях, когда гости начинают интересоваться его новой, еще незаконченной работой.

У Николая Александровича была затаянная мечта: ему очень хотелось, чтобы его сын Олег стал художником. С десяти лет прививал он ему любовь к живописи. У него в комнате был талант: ведь рисует же он до сих пор, и неплохо! Но рисованием занимался Олег без страсти, зато очень оживлялся, когда попадал в шумные часы завода, где работал отец. В конце концов он и поступил именно на этот завод, на «Красный выборжец»: техника звала верх...

На «Красном выборжеце» Николай Александрович начал работать еще четверть века назад. Он прошел на этом заводе путь от простого рабочего до главного механика. И прошел его неплохо: об этом свидетельствуют ордена и медали, которыми отмечен его самоотверженный труд. И неудачно, что дети последовали примеру отца...

Сын Олег тоже начал с разнорабочего,

СТИХИ ЛИТКУРОВЦЕВ ВЫБОРГСКОЙ ТРУДОВОЙ

Мой сосед

Он со мною работает рядом,
Его видны глаза в станине.
Он равняется вся бригада
На выкратого паренка.

Взгляд упрям и сосредоточен,
Твердо держит упор рука.
Он, как старик, бывалый рабочий,
Деловито стоит у станка.

Выбирая дорогу к счастью,
Он пришел сюда, на завод.
Уважительно старый мастер
Тимофеевич перил зовет.

Б. ЛАПИЦКИЙ,
слесарь-сборщик.

Песня о турбине

Лопасты — как птиц огромных крылья,
Что готовы ринуться в полет.
Словно зевот стальная эскадрилья
Божьего приказания ждет.
Но пока что лопасты безмолвны.
По труду скучает их металл.
Будет день — по ним ударят волны,
Белопенный и могучий вал.
И тогда преобразится даль,
Степь сухая седом расцветает.
И турбина, что стране мы дали,
Людам свет и счастье принесет.

П. САРАТОВ,
шпифонщик.

Выпускница

Распустились сирени. По Неве ветерок
Пробегает сераберной дорожкой.
Ты с завода пришла и, засев за урок,
Стала сразу серьезнее, строже.
Ты, наверно, устала, но отидь —

Не к лицу комсомолке ленинградки
Твой настояный труд в потном
Входит новой и яркой страницей.
Завтра — первый экзамен. На турбинный

Ты выступишь с задором обычным;
Всем понравится твой безупречный
ответ,

И учитель постынет котинкою.
Тебя с аттестатом давно уже ждут
Все друзья, заводские ребята.
Отдохнешь ты за лето, а там —

Дом рабочего Ленинграда.
Д. ДАДАЕВ,
слесарь-сборщик.

потом стал слесарем-инструментальщиком. Отец ничего не имел против того, чтобы сын, как и сам он когда-то, проходил все ступени овладения мастерством. Учиться Олегу было у кого: мастер Муратков, к которому он пошел в обучение, работал еще с Михаилом Ивановичем Калининым на «Арсенале», слушал Владимира Ильича на Физическом востзале. У такого человека было чему поучиться.

Олег, работая на заводе, пошел в вечерний техникум. Вскоре после этого он женился и стал жить от отца отдельно. Когда родился младший сын Татьяна, молодожены начали посещать техникум по очереди: мать Оля оставалась с дочкой, а Олег —

Сейчас Олег — мастер проратного цеха. Его жена Аня тоже готовится стать мастером, а пока работает в отделе технического контроля трубного цеха. Дочь Николая Александровича

Люся — чертежница; ее муж Миша Букин работает в пресловом цехе завода.

Часто издевая Мишу Букина, которого на заводе называют «одним из Хихёловых», попадают под контроль Ани. Но это не мешает ей со всей ответственностью относиться к работе Букина. И Олег, развешив новый чертеж, нередко видит на нем подпись Миши Букиной, своей родной сестры. А уж как Николай Александрович, в каких бы местах ни работала члены семьи, всегда старается дать характеристику со всей своей родней: ведь главный механику завода по долгу службы приходится бывать во всех цехах и отделах.

Если у кого-либо из членов семьи не такится с работой, если Олег быт над исследованием новых методов проката, то в таких случаях незамедлительно созывается «большая домашняя завком». На квартиру к Николаю Александровичу приходит Олег с женой и Мишей с Люсей.

Жена Хихёлова-старшего Евгения Константиновна нет, нет, да и поворчит незлобно на этих неугомонных людей:

— Мало вам собраний да заседаний на производстве, так еще и дома толпы и разговоры, что о заводе...

— Значит, мало, мать, — твердо отвечает Николай Александрович, давая этим знать жене, что поскольку она не работает на заводе, то ей трудно понять, чем вызван этот своеобразный семейный совет.

На заводе-зачинателе многих интересных движений в социалистической промышленности не только команды производства, но даже и простые рабочие ведут исследовательскую работу. Вдв такую работу и Олег. Он исследователь, например, одну из причин брака на стане горячей прокатки. И, кто знает, может быть, успешное решение этой проблемы пришло не в цехе, а здесь, дома, в семье, живущей интересами завода.

«Что греха бояться...» Исследование таких «семейных завкомов» было посвящено «персонально» Мише Букину: этот парень, пришедший на завод учеником, долгое время никак не мог выбрать себе профессию.

— Ты теперь иши Хихёлов, а нам леткомомье не к лицу, — строго сказал ему Николай Александрович на одном из «семейных завкомов». — Пора бы уже на чем-то определенном остановиться!

Миша остановился на пресловом цехе и в своем выборе не раскаивается. А уж если и достается порой, то вовсе не по производственной линии, а как футболисту.

Первыми обычно начинают досаждают Мише самые младшие Хихёловы — школьники Андрей и Игорь:

— Опять заводская команда проиграла. Ну когда же вы играть научитесь?

— Каждое утро, по давнему установившейся традиции, Хихёловы собираются у дома № 51 по Ковалевскому проспекту и всей семьей направляются к проходной завода.

В этот ранний час по Ковалевскому идут выжрыбы на Металлический завод имени Владимира, на Завод имени Свердлова, на «Сталькомбинат» и «Сталь» имени Визборков. На улице часто встречаются старые знакомые, десятилетия проработавшие око бок; они переговариваются, перебарываются шутками.

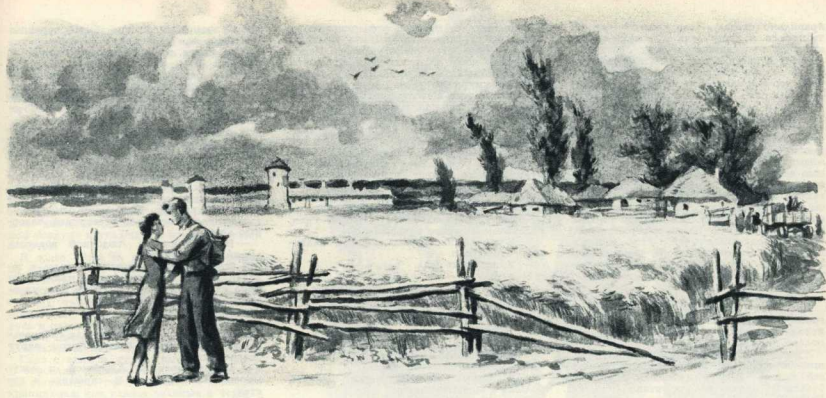
Ну, кого теперь в художники готовит — спрашивает сосед Николай Александровича, поглядывая на Игоря, впервые попавшего в этот год в школу, но уже принявшего солидный вид в новой университетской форме.

Игорь Александрович только улыбается в ответ. Да, теперь единственная надежда на Игоря, а вот станет ли он художником — это еще как сказать. Ведь пока что его больше интересуют разговоры о прокатке, чем те «творческие» споры о методах, которые иногда возникают в кругу семьи. Но Николай Александрович и Олегом.

— А разве мы с тобой не художники? — словно отдавая мысли Хихёлова, говорит старший рабочий, сосед по квартире. — Я так понимаю, что вы оба, вы двое, должны быть в каком деле, и в нашем, рабочем...

Вот они идут на родные заводы, славные сыны рабочего класса, идут целыми семьями. Да, все они творцы новой, радостной жизни, которая началась в октябре тысяча девятьсот семнадцатого года!

Рисунки А. Ванецяна.

Григорий ТЮТЮННИК

БУДУ ВЕРНЫМ ТЕБЕ ДРУГОМ!

Рассказ

Лежу в тени возле хаты и бьюсь над хмивей. Этим летом я поступаю в сельскохозяйственный институт. Уже отосаа туда свои документы. Отправлять их ходил со мной Иван. Когда мы возвращались с почты, он сказал:

— Смотри, Омелько, выучишься, нос не задирай.

Я пообещала, что нос задираю не стану, а буду писать письма и приезжать на каникулы.

— Только вот что, Иван, ко мне теперь ходи пореже: у меня работы много, готовиться к экзаменам нужно.

— А как же драмкружок? — испуганно спросил Иван.

— Мне теперь не до него.

— Ты что? Только начав репетиции «В степях Украины» — и теперь в кусты?.. А Грыцька где я возьму? Кто сыграет Грыцька?

— Кто-нибудь сыграет.

— Как это «кто-нибудь»? — Иван рассердился и махнул рыжей реской. — Оксаяна душа! Ну, днем ты зурбишь, а ночью что делаешь будешь?

— Буду спать.

— А, чтоб тебе конская голова приснилась!

Но эти не кончилось. От Ивана не так просто отделаться. Где бы я от него ни прятался, он всюду находил меня.

Как-то забрался я в сарай и только было уместился на сене, как слышу, рядом кто-то бродит.

— Открой, Омелько!

Я молчу, думаю: Иван потопчется-потопчется и пойдет прочь. Но Иван тяжело выдыхает за стеной.

— И что за люди! Один в сено зарылся, другой в город потащился, а репетиция срывается!

И так каждый день.

Вот сейчас лежу в кустах бузины, — может, хоть тут меня Иван не найдет. Да где там. Уже слышу его голос на улице, а через минуту он пробирается ко мне.

Иван — широкоплечий, крепкий парень, с мускулистой шеей и бронзовым от за-

гара лицом. Его черные густые волосы жестки, как проволока. Их и причешать невозможно. Глаза серые, упрямые. В колхозе он работает грузчиком, возит зерно на элеватор, а между сменами, когда грузчиком дают отдых, обходит кружковцев и собирает их на репетицию. Тогда его рыжую кепку увидишь повсюду.

Иван пришел сердитый, молча лег возле меня, подожека под голову жилистые руки и стал жлаоаваться:

— Пропадает кружок...

Я лежу на спине, смотрю в небо. Пахнут бузина и нагретый солнцем асфальт. Скоро соберу свои вещи, книжки — и пройду, родное село! Становится немного грустно, и где-то в сердце зреет предчувствие неизведанных тревог и радостей.

На соседний двор въезжает подвода. Впереди выступает покрытый пылаю лядько с кнутом. На возу разный скарб: подушки, кровать, ведро, столик. Подвода останавливается посередине двора. Появляется высокая белолицая женщина с седчиной в волосах и начинает снимать вещи. Откуда-то выскакивает девушка, чернышка, как цыганочка, в красном платье и соломенной шляпе... Я знаю: женщина эта — зоотехник, прислана на работу в наш «Прогресс», а девушка, — очевидно, ее дочь.

— А дивчина, видать, городская, — замечает Иван.

— Почему ты так думаешь?

— Видишь, шляпка!

— Ну и что же?

— Как что? Наши девчата шляпок не носят. Как же снопы вязать в шляпке?

— Помолчала бы лучше!

— А чего же молчать? Сразу вижу: канарейка!

— Ты очень легко судишь о людях. Первый раз увидел человека — и уже канарейка!

— У меня на глазах глаз острый. Вот ты. Целый месяц отлаживаешься, а какая от тебя польза?

— Выучусь, — и будет польза.

— Еще неизвестно, что из тебя выйдет.

— По-твоему выходит, что учиться не нужно?

Вместо ответа слышу:

— Ты сегодня приходишь на репетицию?

— Приду.

— Смотри, не забудь, — и, мажко ступая босыми ногами, Иван идет со двора.

Новые соседи оказались людьми деятельными, работящими. В первый же вечер чисто вымыли двор, убрали все возле хаты.

Баба Камичина, у которой они сняли квартиру, зашла к нам за ситом и затараторила:

— Посала мне бог, дорогие соседушки, квартирантов. Хорошие люди, кудого слава не скажешь... Оксана Дмитриевна, зоотехничка, меня иначе, как Палажка Глазюна, и не называет. Двое деток у нее. Одна еще совсем малышка, годика четыре, а другая уже учительница. Галей зовут. До чего ж потешная! И минутки на месте не усидит. Все поет, поет, чисто соловей...

На другой день утром я видала, как Оксана Дмитриевна, одетая в голубое платье, вышла из хаты и что-то называла Гале. Потом взяла на руки меньшую дочку, тоже чернышку, как Галей, поцеловала ее в кудрявую головку. Оксана Дмитриевна, должно быть, собралась куда-то ехать.

Целое утро Галя мыла, стирала, стирала. Я видала, как она устроила кухню: положила один на другой несколько кирпичей и поставила на них примус. Примус согрел, а Галей сидела на низеньком стульчике и, положив на колени книжку, читала. Маленькая сестренка играла в песке. Время от времени Галина покривляла на носу.

— Лядочка, это нельзя трогать, это крапива.

Но Лядочка все же обожглась и закричала. Галей, давсво сменщи, обнимала Лядочку, утравляла ей слезы, успокаивала.

Ее смех, вырывающийся из глубины груди, ее тихие уговоры начинают раздражать меня. «Сидела бы себе да молчала, — думаю я, — а то... Должно быть,

правильно сказал Иван: канарейка». Я забирался в гущу сада и почему-то думаю, что эту девушку я буду презирать. За что? А разве я знаю, за что? Уже хотя бы за то, что она смеется, неизвестно отчего, за что канарейка и ходит в шляшке. Книжки не несет в голову. Оставлю книжки и иду на речку купаться.

Солнце, кажется, замерло на небе. Тысячами золотых, сверкающих искр оно отражается в брызгах и исплесках воды — газлам больше галдеть. Но там, где склоняются кусты лозняка и залегают холодные тени, видно, как шевелятся длинные зеленые пряди подросшей. Тихо покачиваются белые ании, мрачно поблескивают зеленые кушнички, а вокруг них шумят какие-то мушки и плещут на воде тонкий, как лупина, след. Плынут, терпя перья, выводки кохляных гусей и уток. За ними присматривает тетка Федора, злая и ворчливая баба. Она сидит на другом берегу в лодке и ежeminутно тинет надобладо и тонко:

— Та-а-си, та-а-си-ни-ки...

За речкой сохнет скошенная трава. Нагретая солнцем, она расширяется, и от нее исходит запах ромашек, красного черноплода.

Я сижу на берегу и, опустив в воду ноги, шевелю пальцами. Вдруг слышу позади себя чьи-то шаги. Оглядываюсь. С мокрым бельем на плечах вылезает Оставак Галл.

— Тут не стирают, а купаются, — говорю я ни с того, ни с сего.

— Я не знала, — говорит она виновато, берет Лядочку за руку и идет дальше. Я смотрю ей вслед и боюсь, что она вот-вот переломится: такая она тоненькая. Но Галина ступает плавно, легко пружинит ногами. «Должно быть, неплохая физкультурница», — делаю предположение. Мне становится неприятно, что и так грубо встретил ее.

«А-а, ладно!» — говорю себе и, быстро раздевшись, бросаюсь в воду.

Вода шепчет меня. Я отфильтровываю и пальну на глубокие места. Пальну разными стилями и горжусь своим умением. Перед кем? Для чего? Сбавляю темп и ложусь на воду отдыхать. Подставляю под солнце лицо, зажмурив газла, лежу на месте и только слегка шевелю руками и ногами. Мне легко и хорошо. Но какая-то невероятная сила тянет меня к берегу. Визгу, как Галина полощет белье. Ее косы при каждом движении касаются воды, и она все время забрасывает их за спину. От берега по воде разбегаются круги. Кажется, будто Галина плывет ко мне. А может быть, я к ней? Эге? Так и есть. Наверное, течение отнесло меня сюда... Выпрыгиваю на берег и сажусь на песок.

— Вы хорошо плаваете, — говорит Галл, растяла на траве белье.

— У нас в школе бы кружок плавания, — говорю я.

— У нас тоже был.

Молчим.

— Вы в каком классе? — спрашивает Галина, не отрываясь от работы.

— Кончил десятилетку.

— А куда поступаете?

— Там видно будет, — уклоняюсь я от прямого ответа.

— А я закончила педучилище. Поступила в заочный пединститут.

— А почему не в артистки? Девчата больше в артистки метят.

Галл смеется губочким, грудным смехом.

— Почему вы смеетесь?

— А если мне смешно! — говорит она, сияя газлами. Вытирает ладонью лоб, к которому прилипла вылезшая прядка волос, и продолжает серьезно, хотя в глазах у нее еще искрится смех: — Нет, артисткой я не собираюсь быть. Галаита нет.

— А может, есть?

— Если есть, то только крохотный, вот такой, — показывает она на копчик мизинца и снова смеется. — А чтобы быть артисткой, нужен талант большой. Какая из

меня артистка? Лучше быть хорошим учителем, чем плохим актером.

«Вот какая ты зубастая», — думаю я и говорю:

— А я решила в сельскохозяйственный.

— А вы нескрываете. Сказала же, что не знаете куда будете поступать.

— Ну, в искренности своей я вам не расписывалась!

— А расписываться и не нужно. Человек всегда должен быть искренним. А тот, кто в искренности расписывается, искренним никогда не будет.

Она сказала это таким тоном, что я даже растерялся и не знал, что ответить. Галл нахмурила брови, в глазах ее появились задумчивость. Потом они оживились, задумчивость исчезла, засверкали задорные огоньки.

— Нарвите нам с Лядочкой водички аниий. Пожаулуста!

Я безропотно подчинилась. Попыла в заросли, нарвала большой букет аниий, и Галина сделала из них ожерелье. Мы украсили этим ожерельем Лядочку.

— Почему вы не купаетесь? — спросила я Галл.

Девушка покраснела и начала собирать-ся домой, сложила белье. Потом вдруг сказала мне:

— Присмотрите за Лядочкой, я искупаюсь. Пожаулуста, — и скривилась в кустах.

Признаюсь по правде, что я туда не галдела, но все же заметила, как меж ветвей мелькнули руки и она бросилась в воду. Пальма тихо. Казалось, что ее голова была неподвижна.

— Как вас зовут? — спросила Галина из воды.

— Омелько.

— Тут есть пинки, Омелько!

— Есть.

— Ох, как страшно! — И она рывками поплыла к берегу.

Через минуту Галина подошла одетая, свежая, веселая.

Снова чувствую, как краска стыда еще сильнее заливает мне лицо: зачем я так грубо встретил ее?

***

...Мать подает ужин.

— Все сидишь над своими книжками, — говорит она, не глядя на меня. — После бады да Петра подменила на комбайне.

Отец сидит за столом, усатый, ссутуленившийся. Он застывает:

— С комбайном Петро и сам справится. А если Омелько на экзаменах провалится, Петро ему ничем не поможет, — говорит он назидательно. — Сегодня к Хоме приехал его Микола в гости. Важный какой! Картуз с кокардой!

— Это не кокарда, а шахтерская эмблема, — говорю я.

— Так он шахтер?. Смотри-ка, как у нас шахтеры ходят, все одно как министры. Общайнвал я пшеничку с Хомой, — продолжает отец, — так хвалился Хоме, что хорошо зарабатывает Микола. Говорит, что по две тысячи в месяц получает. Это же такие денги! Старик Хоме аж два чедмана добра привез. Отку костюм и башмаки, а сестрам платья шелковые.

Отец перевернул взгляд в мою сторону.

— Выучусь, и вам помогу бауду, — обещаю я, а самому становится немного страшно: как это я куда-то уеду, брошу все, а родители уже старые... И Иван, и драмкружок, и друзья, и родное село...

Отец, прихлебывая борщ, с нарочитой суровостью говорит:

— Выучишься, сынок, и забудешь про нас, стариков.

— Прикусица, бы ты язык, Яким, — обрывает его мать, — а то он у тебя, как ормел! Детям нас бог не обидел, хаощи тихие, смирные.

— Смирные, когда спи! — ворчливо отвечает отец.

Но я знаю, что он любит нас с Петром сурово-нежной любовью труженика-хлебороба. Помню, отправился я раз пасти коз на их бригады и на полном скаку

свалялся с лошади. Отец прибегал бейбы, как мей, и стоя надо мной молча. Потом и потеря сознание, а когда пришел в себя, он отстрексался, но и заметил, как по усам его покатились слезы...

— Спасибо за ужин, старуха, — говорит он. — Завтра начинаем обшаривать возле Чубиного оврата. Там хлеба, как море, и комбайна не видно.

Выхожу во двор. Ночь звездная. Над степью повисла луна. Оседает поднятая за день пыль, остывает накаленная солнцем земля. От реки тянет свежестью. В луином свете седюют луга. Из степи несется запах спелой ржи, жинья; размеренно таракит комбайн, и шум его отдается гулким эхом над тихим плесом реки; где-то поют деvчата, песня мягко звучит в ночном воздухе и уплывает в просторы полей и лугов.

Я долго стою во дворе, а потом пошла на сеновал и лег спать. Старался ни о чем не думать, но мысли так и сновали в голове, напавшая волна за волною. Я чувствовала, что в мою душу ворвалось что-то новое, чего я раньше не замечала, ворвалось и сидит там, раздувает в сердце огонь, путает мысли и не дает спать, колются в висках, пузно гонит по жилам кровь. Слез с сена и снова вышла во двор. В зарослях крапивы зашевелилась птичка, вскрикнула тихо и нежно. Я знаю, это крапивинка; она кладет зеленые в черных точечках лички. Почему же я и не замечаю ее раньше? На голое звонко шелестит лства и сверкает, как сызда. Не видела никогда я, чтобы так бастеела лства... Иду дальше и замечаю, что ноги несут меня не туда, куда надо. Вглядываясь в луиные пятны возле соседней хаты и вижу там Гаюу. Открытая халтыку.

— Можно?

— Она идет мне навстречу.

— Заходите, заходите, Омелько.

Чувствую, что нужно что-то сказать, но Гаяу опережает меня вопросами:

— Что вы делали эти дни?... Почему не наведаетесь?

— Что ей ответить? Разве словами расскажешь, что я делаю и что со мной делаешь?

— Готовился к экзаменам, — говорю я. — А я детей переписывала. Целый день ходила, вот только теперь вернулась. Ох, скучно вы ждали, Омелько, какие забавные дети, как они чудно разговаривают! В один день зашла, а они спрашивают меня, буду ли я с ними в школе играть. Я сказала, что буду. Только мне немного страшново.

— Почему?

— Мне кажется, что я и не сумею их учить.

— Сумеете. Это вначале кажется, что трудно.

— Правда, Омелько?

— Ну ясно, правда.

— Об, какой вы хороший!

Не знаю, было ли это сказано от души или просто вырвалось у нее. Я впервые слышала ее в слова. Мы сидели близко, головы наши были рядом, и я чувствовала, как пахнут гвоздикой ее косы.

— Зачем вы это сказали? — спросила я. Она не ответила и опустила голову. Потом взглянула на меня и с легкой тревогой спросила:

— Омелько, скажите, почему вы тогда так сразу ушли с речки?

— Не знаю.

— Я думала, что вы рассердились...

— За что же мне на вас рассердился? Вы не сделали мне ничего плохого.

Гаяу задумалась и загадалась куда-то в степь.

— Омелько, мне кажется, что учитье — это чужая профессия в чужой.

— Кто что любит, то для него самое лучшее, — сказала я ей. — Я сызмальства бегала за плугом и паювкой земаю. Хорошая она, вся красота от земли идет цветы, сады, рощи, озеры, ливны, шахты — все на ней, ливна на земаю. Былово, разложился, кустер и сидишь, греешься, а скот рядом пасется. Небо синее-синее, как лед на озере, а на жукаой траве седая изморозь, у ракитни-

ка желтеют листья, пахнут капутными котами, а в небе журавли летят в теплые края. Хорошо, ох, как хорошо! Потому и хочется мне агрономом стать.

— А я детей люблю. Буду учить их, смотреть за ними. Я буду воспитывать их умными, сильными. Вы тоже сильный, — вдруг, засмеявшись, сказала она, — но я перестала бы вас.

Меня взорвало ее хвастовство.

— Перегоните?.. А давайте попробуем!

— Давайте!

Мы вышли со двора, оглядели улаицу, нет ли кого, потому что врид ли кто подумает, что мы в своем уме, если увидит, как несемся в поаючу по дороге. На улице тихо. Только месяц застыл на середине неба да под местом поблескивает речка. Гаяу ногой начертила линию старть. Стали рядом на колени, плечом к плечу. Бежать только до моста. По нашим расчетам, туда метров полтораста.

— Раз... Два... Три...

Сорвались с места и побежали. По тому, как Гаяуна ринулась со старта и сбавляла пражок, я убедился, что она опытный бегун. Прибежали вместе. Гаяу засмеялась и ударила меня ладонью по руке: — Какой хитрога! Я бы первая пришла, так он прыг на мост! У-у, неужели!

Я тоже смеялся и говорю, что мы бежали наперергонки, а не проверяли, кто из нас вежливее.

Назад шли тихо, взявшись за руки, и никак в этом для меня ничего странного. Я не мог понять, как и когда это произошло. Потом крепко пожалал друг другу руки. Гаяу сказала, что уже поздно, и вошла к себе во двор, а я стоял и слушал, как шуршала песок под ее ногами.

— Спокойной ночи, Гаяу, — шепнула я и пошла на сеновал. . . .

Каждый день приносила что-то новое, разжигала мечты и кружила голову буйным хмелем молодости. Я встречался с Гаяу-

ной все чаще и чаще, и каждый раз мне казалось, что и ее радуют наши встречи. Мы крепко жали друг друга руки, разговаривали. Я проводил с ней целые вечера, а потом думал: «Эх, в небойный час повстречал я эту цапгачовку! Ну что ж теперь делать?» А Гаяуна не раз говорила мне строго:

— Ты, Омелько, бешь бакаужи целыми днями, а об экзаменах забыл? — Она брала меня за руку и пристально вглядывалась в глаза. — Ты должен готовиться! Иди садись за книжки!

И я садился за книжки. Но перед глазами моими были только ее длинные косы да черные брови!

— Как-то на рассвете меня разбудила Иван:

— Что у тебя за сон крокодиловый, Омелько? Уже полчаса тящу тебя за ноги, а разбудить не могу... В поае пора. Сегодня суботник, все спит — и учитель и медицина. Вставай! Умойся и пойдём.

Иван в голубой рубашке, с узелком подмышкой — завтрак, наверное. Пока я умывался, Иван сидел возле порога и, вздыхая, вса допрос:

— Вчера была репетиция, почему не пришел?

— Занят был.

— Знаю, чем был занят, — гудела Иван сонным баском. — Ох, Омелько, брось ты это, пока не поздно!

— А что ты там знаешь?

— А то знаю, что поаист твой институт вверх хвостиком! — Он выдвинул на глаза рывую копыку. — Смотри, чтобы не завела она тебя, куда не надо. Гаяуна что? Она выучилась, а ты только начинаешь.

— Не бойся, Иван, я над собой работаю.

— Работашь, да только как? Над собой час, а возле не целый день.

Я засмеялся, а Иван рассердился:

— Ты ему серьезно, а он тебе: га-ты да ха-ха...

Мы вышли на уаишу. Колючие пастухи гнали скот на пастбище. Ежась от уренной снежистости, они сядито искадали кустами по важной пшан. Над аулами поднимался туман, дымился испарениями речка. Там, где кончались аула и начиналась степь, разгорался огромный факел восхода, отсветы которого розовыми пятнами легли на равнину, на степь, на реку.

Прекрасно летнее утро на Украине в дни жатвы! Еще дремлет степь, еще на дже блетит роса и едва-едва вырисовываются стуга, еще не динит восток, не шлоает колос еще в сонной степи не звенит кузнечик, не кричит перелет, а колючий конок уже гонит алмаши из ночного и будит жнецов. И вот шелкают стуги эздонье, резко срываются с места отлаженные колы, дробежат жнейки — и начиннается еще один день уборки урожая, самой веселой и богатотной поры на колючем поле.

Нам с Иваном поостаминналось сесть в машину, которая везла в поле жнецов. Мы быстро ичались по живиньку к полемому стану кокоза, зеленым кустиком малявншему в золотой степи. Машину подбрасывало на кочках, ляди ойкали и смеялись.

— А как она, серьезная? — спросила меня вудру Иван.

— Это ты о ком?

— Да о ней же.

— А, Галина?.. Она умная и серьезная девушка.

— Смотри, тебе виднею. Только очень молодой. Как она детей учить будет, если сама еще совсем ребенок?

Приехали в полевой стан. Там уже начиннался рабочий день. Бригады полонескопческо бригады алмаши Гнат коренная, покожий на гриб в своей широкополой соломенной шляпе, дедал комбайнеру нагонять за то, что тот вчера допустил несколько часов простоя. Увидав нас с Иваном, он сказал:

— Ты, Омелько, иди на комбайн, а ты, Иван, к жнейке, копнить тебе будешь. Снопы тебе будт подносить новая учительница, так ты с ней не очень строго; к физической работе она не привыкла. Смотри, а ты я тебя знаю, загоняешь девушку.

И пошел к комбайну. Мимомоходом увидела Галину. Она уже подносила снопы. В красном платье, на голове шляпка.

— Видишь, Иван, ляди и в шляпках работают.

— Вижу, признался он неохотно.

Когда солнце поднималось над самой головой, все пошла на обод. Я, Гаял и Иван ободали вместе. Иван дважды подошла с миской к повараке и, поканивая, говорила:

— А ну, Валя, подсыпь еще!

И смеялся и дразина Иванна:

— Что, здорово загноила тебя Галина: третья тарелка улетела?

Гаял тоже смеялся и ела с аплетитом. У нас болели руки, сининь глаза, хотя я работал в очках, разьдедала глаза, однако каким вкусным была борщ! А когда Иван принес два бутылочки пива на закуску, мы обрадовались, как малынькие.

— А ну, угадайте, какой сплеее? — подмигнула он шутовно.

Мы по очереди брали арбузы, искакали по ним пальцами.

— Какой этот, хороший арбуз будет, — выбрал наконец Иван.

Он положила его на доску и разрезала на доли. Галино торжественно подла сердцевинку. В это время подошла покаявонья и вручила ей письмо. Она смутлилась:

— Мне письмо? Не может быть!

Она расписалась, потому что письмо было заказное, и нетерпеливо разорвала пакет. Читая первые строчки, покраснела и, ичавшись, еще больше растерялась.

— Извините, друзья, я люблю читать письма наедине.

Она встала и пошла к кустам акacias.

«От кого это письмо?» — думала я и допущала такое невероятное содержание

этого письма, что меня даже в дрожь бросило. Иван равнодушно уминала арбуз, как будто ничего особенного не произошло.

— Перестань чавкать над ухом!

— По-твоему, пусть арбуз пропадает?

Доев до конца арбуз, Иван ел невзначай, подложив под голову свою рыжую кепку

Галий до обеда: она так быстро подносила снопы, что ни еда успевала укладываться.

Слушая Ивану, я радовался, что он теперь иначе думает о Галине, но мыслю о писюме не давала мне покоя.

— Иван, как ты думаешь, от кого она получаила письмо?

— А я почему знаю?

Такой равнодушный ответ вывел меня из себя. Я набросился на Ивану с упреками. Он тоже зворвался:

— Я тебе говорил: не связывайся с нею!

Так ты же меня не послушал. А письмо от того, кого она любит. Это ясно. Разве ты не видела, как она покраснела?

— Видела.

— Ну так вот.

— А может, это просто от какого-нибудь товарища? Может, они вместе учились, а теперь переписываются?

— Ты ему: стрижено, а он тебе: брито.

— Я задумался. А что, если это действительно так? Мне стало больно и досадно.

— Эх, Омелько, — тихо вздохнула Иван, — говорила тебе, присмотришь сначала!

— Когда любишь, тогда не приглядываешься, — грустно возразила я.

— Не понимаю такой любви! — запротестовала Иван.

— А какой же, по-твоему, должна она быть?

— Любовь, по-моему, лучше с друзьями начинать.

После обеда мы пошли работать мурьяе. Когда собралась домой, Иван сказал мне:

— Пахои твои дева, брат.

— А что?

— Галина что-то загрустнела...

Вечером мы молча ели в машине с зерном и поехали в село.

С этого времени я почти не видела Галину. Она перестала бывать там, где мы быт; и не ходила на речку, даже на дворе своем показывалась редко. Вставала рано, отправлялась в школу и весь день проводила с детьми.

Она и пошла сдавать экзамены. Возвратившись, я в первый же день натолкнулся на Гаял. Она шла, окруженная детворой, с поля. Косы ее, перевитые васильками, спадали на плечи; в руках она несла букет красных маков. Увидав меня, Гаял смутлилась, но замедляла шаг и спросила:

— Где это вы продавали?

— Ездил в город... Сдавала экзамены. Приняли.

— Поздравляю, поздравляю!

В глазах Гаял вспыхнул огонек радости и, то же мгновение погас. Ничего не сказав, она повернулась и пошла.

Теперь уже можно было определенно сказать, что Гаял просто не хочет встречаться со мной. Каково мне было от этого, знала только я да, может, еще Иван. Но я решила держаться так, будто меня это совсем не трогает, даже вызывающе. В самом деле, разве я в чем-нибудь виноват перед Гаял? Почему же она так переменялась? Почему сама не объяснит, не скажет о том таинственном письме? И почему Иван выдался, по-моему, вполне правильно так: «Если у девушки есть душа и совесть, то она сама скажет, что к чему, а допытываться у нее не надо!». Так мы оба думали, а на деле, оказалось, все совсем не так.

Чего ты сицнешь, как медный ятак? — как-то спросил Иван, заметив меня в наигранно-веселом настроении.

— А чего мне паковать?

— А Галина?

— Чего ты Галина? Паковать мне, что ли, если она избегает меня?

— Может, у нее на это есть причины.

А ты чего нос задраешь? Раз ты девушку любишь, должен объясниться, — почувствовав на меня взгляд Гаял.

И правда, что, может быть, на этот раз он прав еще больше.

***

«Вечером на машинах стали съезжаться с поля люди. Кауб наполнился веселым шумом, смехом, притяными запахами поля. Пришли с баяном трактористы, и возы закружили в танцы. Накоро умывшись, принарядившие парни и девушки кружились в вихре полек и вальсов.

В зале перед сценой поставили стоа для прикумаи, девушки принесли венки, сплетенные из пшеничных колосов, чтобы торжественно преподнести их лучшим труженикам кокоза.

Пока диннась официальная часть, кружковцы задули свистки и спектакль начался.

Иван пришел в темном костюме и белой шелковой рубашке с отложным воротничком. Волосы его на этот раз были причешены гайлко, — видно, он не пожалел для такого случая лучшего мыла и олеина колана. Вид у Ивану был озабоченный.

На репетициях как будто все шло хорошо, а перед самым спектаклем обнаружилось, что это не так и другое не эдак. Начинналось с того, что хлопцы пританцовали катюшу.

На репетициях как будто все шло хорошо, а перед самым спектаклем обнаружилось, что это не так и другое не эдак. Начинналось с того, что хлопцы пританцовали катюшу.

На репетициях как будто все шло хорошо, а перед самым спектаклем обнаружилось, что это не так и другое не эдак. Начинналось с того, что хлопцы пританцовали катюшу.

На репетициях как будто все шло хорошо, а перед самым спектаклем обнаружилось, что это не так и другое не эдак. Начинналось с того, что хлопцы пританцовали катюшу.

На репетициях как будто все шло хорошо, а перед самым спектаклем обнаружилось, что это не так и другое не эдак. Начинналось с того, что хлопцы пританцовали катюшу.

На репетициях как будто все шло хорошо, а перед самым спектаклем обнаружилось, что это не так и другое не эдак. Начинналось с того, что хлопцы пританцовали катюшу.

На репетициях как будто все шло хорошо, а перед самым спектаклем обнаружилось, что это не так и другое не эдак. Начинналось с того, что хлопцы пританцовали катюшу.

На репетициях как будто все шло хорошо, а перед самым спектаклем обнаружилось, что это не так и другое не эдак. Начинналось с того, что хлопцы пританцовали катюшу.

На репетициях как будто все шло хорошо, а перед самым спектаклем обнаружилось, что это не так и другое не эдак. Начинналось с того, что хлопцы пританцовали катюшу.

На репетициях как будто все шло хорошо, а перед самым спектаклем обнаружилось, что это не так и другое не эдак. Начинналось с того, что хлопцы пританцовали катюшу.

На репетициях как будто все шло хорошо, а перед самым спектаклем обнаружилось, что это не так и другое не эдак. Начинналось с того, что хлопцы пританцовали катюшу.

На репетициях как будто все шло хорошо, а перед самым спектаклем обнаружилось, что это не так и другое не эдак. Начинналось с того, что хлопцы пританцовали катюшу.

На репетициях как будто все шло хорошо, а перед самым спектаклем обнаружилось, что это не так и другое не эдак. Начинналось с того, что хлопцы пританцовали катюшу.

На репетициях как будто все шло хорошо, а перед самым спектаклем обнаружилось, что это не так и другое не эдак. Начинналось с того, что хлопцы пританцовали катюшу.

На репетициях как будто все шло хорошо, а перед самым спектаклем обнаружилось, что это не так и другое не эдак. Начинналось с того, что хлопцы пританцовали катюшу.

На репетициях как будто все шло хорошо, а перед самым спектаклем обнаружилось, что это не так и другое не эдак. Начинналось с того, что хлопцы пританцовали катюшу.

На репетициях как будто все шло хорошо, а перед самым спектаклем обнаружилось, что это не так и другое не эдак. Начинналось с того, что хлопцы пританцовали катюшу.

На репетициях как будто все шло хорошо, а перед самым спектаклем обнаружилось, что это не так и другое не эдак. Начинналось с того, что хлопцы пританцовали катюшу.

На репетициях как будто все шло хорошо, а перед самым спектаклем обнаружилось, что это не так и другое не эдак. Начинналось с того, что хлопцы пританцовали катюшу.

На репетициях как будто все шло хорошо, а перед самым спектаклем обнаружилось, что это не так и другое не эдак. Начинналось с того, что хлопцы пританцовали катюшу.

На репетициях как будто все шло хорошо, а перед самым спектаклем обнаружилось, что это не так и другое не эдак. Начинналось с того, что хлопцы пританцовали катюшу.

На репетициях как будто все шло хорошо, а перед самым спектаклем обнаружилось, что это не так и другое не эдак. Начинналось с того, что хлопцы пританцовали катюшу.

На репетициях как будто все шло хорошо, а перед самым спектаклем обнаружилось, что это не так и другое не эдак. Начинналось с того, что хлопцы пританцовали катюшу.

На репетициях как будто все шло хорошо, а перед самым спектаклем обнаружилось, что это не так и другое не эдак. Начинналось с того, что хлопцы пританцовали катюшу.

лось в груди. Среди зрителей я вдруг увидела Гаю. Она сидела с матерью в третьем ряду. Косы ее были уложены над высоким лбом красной короной.

Засмотревшись на Гаю, я забыла слова роли. Толпаясь по сцене, подмигивая стоящим за кулисами. Меня бросало то в жар, то в холод, а слова никак не приходили на память. Пропала минута, другая... Я снова по сцене взад и вперед, но ни одного слова из роли не мог вспомнить. Меня так и подымало вымгивать за кулисами, но там стоял Иван и буквально прожигал меня своим взглядом.

Галя Гауляшка знала мои слова, она шептала их мне, но я не мог ничего разобрать. Наконец, пропустив ярчайшую часть роли, я начала с того места, где Грицько возмущенно обращается к Гае:

— Довольно притворяться! Обожди, загляни в мое сердце — и ты увидишь, что я тебе такой несчастный! Все пропало, а я се лебля! — воскликнул я трагически. — Все село знает, даже куры знают, как я ее люблю!

Последние слова я сказала тихо, с отчаянием, но не потому, что так хотел играть эту роль, а потому, что у меня самого на сердце ныло и кипело. Вдруг вижу: моя Галя поднималась с места и пошла к выходу.

...Домой я возвращалась поздно ночью. Душа поднималась высоко. Мерцали в небе звезды. Гае-то перекачались перелеза и тяжело вздыхала двигатель секрестацион. Далеко-далеко в степи громыхала поездка и будили ночь протяжным систом. Скоро я и поеду. Уже получила извещение из института. Сяду в вагон и поеду. И повесть меня поезд через паля и степи, а тут останутся отец, мать, колхоз, Иван, Галя...

Я свернула к себе и хотела было уж войти в дом, как увидела возле гаинной хаты одинокую фигуру. Галя! Облокотившись о палец, она смотрела в степь. «Почему она стоит тут? Почему не спит?» Поборов невольность, я подошла к ней.

— Галя, за что ты на меня сердишься? — Голос у меня сорвался, и что-то перехватило дух. — Что я сделала тебе плохого?

Галя не отвечала, но я увидела, как вздрогнула ее плечи. Она плотнее закуталась в пуховую шаль, мочка повернулась и пошла вглубь двора. Я шел следом за ней. Мы сели на лавочке.

— Я не сержусь на тебя, Омелько. Я только борюсь... Сомневаюсь...

— Я вьзд ее за руку;

— Чего ты боишься, Галя?

Она снова молчала. В душе ее, наверное, происходила какая-то борьба: выражение лица ее все время менялось — то становилось растерянным и тревожным, то на нем появлялась решимость, сменявшаяся затем равнодушием.

Я близко видела ее тонкий профиль, ровные нос, черные брови и маленькие губы. Галя смотрела на меня долго-долго,

как будто хотела выпясть мои мысли. Я осторожно глядела ее губные волосы. Вдруг она обвила руками мою шею и горько зашептала:

— Омелько, зачем все это? Я не понимаю, что со мной. Я убога, я приталась от тебя, но, видно, напрасно...

Лунный свет пробивался сквозь ветви деревьев и ложился на землю белыми пятнами. В небе мерцали чистые, будто умытые звезды, и далеко-далеко, без конца и края раскинулась степь. Через нее пролегла мой путь в науку, в студенческую жизнь, в окружение новых друзей. И Галя будет среди них, будет жить в моих мыслях, хорошая, близкая, родная... Как будто раздалась моя мысль, она крепко прижалась ко мне.

— Галя! — произнес я радостно. — Зачем ты приталась от меня, что произошло тогда с тобой?

Галя высвободила руку, и я понял, что мне поспор неприятен ее ответ.

— Я получила письмо, — сказала она неохотно. — Подруга пишет... Но тебе это будет неинтересно. — Галя, девичья.

— Ну, тогда не надо. Я не люблю вмешиваться в чужие тайны.

— Не любишь, а вмешиваешься. Она пишет, что дружила с одним паренком, любила его, а он уехал и забыл ее... И ты уезжаешь...

И я услышала в этих словах не только жалость и сочувствие подруге, а и тревогу Галя за себя, за будущее. Я понял и то, какое письмо она получила и почему избегала меня. Она не знала, сумею ли я ответить на ее чувство честной и верной дружбой. То неведомо, что было в моей душе, передавалось ей и, казалось, говорило Галя все, что подчас нельзя высказать словами. Я хочу, чтобы Галя забыла о письме подруги, письме, которое принесло нам облом счастья огорчений. И я понял, что нет для меня ничего дороже на свете, чем Галя.

— Завтра едешь?

— Завтра.

— А может, еще на день остался бы? Нет, нет... Ты не слухай меня, уезжай. Это я так. Письма буду писать, ты учишь, а я буду ждать. Вернись!..

— Верю.

Она поднялась и пошла по дорожке, потом оглянулась и, улыбаясь, помахаала мне рукой.

...Я собралась в дорогу. Мама встала рано. В хате пахло тестом, яблоками; на столе лежали коржики, пирожки. Отец ходил по двору и брался то за одну, то за другую работу, но все вылазалось из рук. Видно было, что он волновался, собирая меня в путь.

Пришел Иван и принес с собой два здоровенных арбуза. Эх, Иван, Иван, хороний ты мой друг! Как мне не хочется разлучаться с тобой! Видно, что и Ивану тоже не по себе. Он змурится и лишь

кзредка коротко переговаривается с матерью.

В полдень мы вышли из дому.

На станцию обычно ездят на поезде, но оказалось, что таких пассажиров, как я, собралось человек пятнадцать, и предсказатели колхоза распорядились отвезти нас на машине.

На дворе собралась знакомые и родные, пришедшие проводить отъезжающих на учебу. Кто переговаривался, кто весело смеялся, кто скисывая на машину тяжелея чмодалын.

Потом молодежь пела, собравшись в кружок, а старики переговаривались между собой, гордые и счастливые за своих детей.

И сидела с родителями, искала глазами Гаю и не находила. Наконец она пришла.

— Здравствуйте, — сказала она и густо покраснела. — Вы еще не уехали? — спросила она, обранным ко мне на «ив».

— Да вот какое-то безразбра, — ответила мама. — А вы сами едете или провозжаете кого?

— Галя покраснела еще больше.

— Нет, я так, посмотреть зашла, — и, усмехнувшись, отошла в сторону.

— Ну, вы любите так, — обратилась я к отцу и матери, — а я к долщам сбегам.

Я увидела, что Галя свернула в ал, и пошла за ней. Она услышала мои шаги и остановилась. В руках она вертела лозинку и грустно смотрела мне в глаза. Мы стояли, прижавшись друг к другу, и молчали.

Во дворе протяжно засигналил шофер. Это был знак отъезда. Галя вздрогнула, подошла ко мне и сказала:

— Счастливого тебе... иди... И потом. Как-то неловко вместе. Иди скорей, я за тобой...

— Я побежала.

Все уже сидели в машине, ждали только меня. Я попрощалась с Иваном. Он стиснул мою руку и сказал, усмехаясь:

— Ну, будь здоров! Смотри там! — Потом тихонько спросил: — А Галяна как?

— Помиралась.

— Вот и хорошо!

Мне было жалко чего-то, воанение сжако грудь, к горлу подступили слезы. Мы выскли со двора. Провожажие пошла следом за машиной и остановилась возле ворот.

Вот стоит, вытирая глаза, мама, горькая, степенная, в белой косынке. Возле нее отец. Он сиял картуз и смотрит нам вслед. Ветер шевелит на его голове седые волосы. А вот Иван — большой, крепкий — выставил ногу и высоко поднял свою рыжую кепку, а дальше — Галя. Она машет мне платочком. Душа моя переполняется невыразимым теплом, губы шепчут:

— Я буду верным тебе другом, Галяна!

Перевод с украинского
Лидии БАША

Владимир СЕМАКИН

Мы счастливы

Мы счастливы тем, что с рождения причастны к великой судьбе. Мы даже на долю мгновения не можем предстать себе весны, что красна Первомаем, без праздничных тесных колонн; ноябрьского ветра над краем без шестела алых знамен; страны без колхозного хлеба, возвращенного нашим трудом;

бездонного вешнего неба без медного прожания в нем; реки в ивняке и оскоке без гребня платины над ней; просторов Отчизны широких без новых и новых огий; эпохи без наших усилий, что делают дело свое; земли без Советской России, без силы и славы ее.

СТИХИ МОЛОДЫХ ПОЭТОВ

Владимир КАНЫГИН

С коммунистами рядом

Комсомолю
Говори это слово,
И встанет наяву предо мной:
Восемнадцатый...
Питер суровый...
Дым боев над страной...
Выжуг:
Мечется Корчагин галлопом,
Пока ведет на машинке Гайдар,
Комсомольцы ползут к Перекону,
Атакуют Чонгар,
Сотрясает Кронштадт канонада,
Под поганым лопается лёд,
Но идут с коммунистами рядом
Комсомольцы вперед.

Пятилетки...
Строительный грохот...
И как будто в былые года
От костров у Днепровских порогов
Задавала вода,
Эшелоны летят к Сталинграду,
Гула стоит на великой реке,
Разбивают палатки бригады
На Амуре в тайге.

Сорок первый.
За правое дело
Встал советский народ-исполин.
Самолет направляет Гастелло
На коалону немецких машин.
В тыл бесстрашная Боя уходит,
Копеевой краснодонницей зовет,
И Матросов с гранатой на взводе
К абматуре ползет...
Дым стоит у берлинских предместий,
Все сметает стальными ураган,
Где идет с коммунистами вместе
Комсомола на врага.

Мир.
Не свистит, не рвется снаряды,
В окнах светятся мирно огни.
Но грохочет металл в Сталинграде,
Как в военные дни.
Синий валежек электрической сварки
Небеса озаряет в ночи,
От предгорий Карпат до Игарки
Песня мира звучит.
И туды, где возводятся стройки,
Где легкая вежа казна,
Комсомольцев отважных и стойких
Посылает страна.
Так всегда:
На участках на главных
С комсомольской отставкой в гряды —
Верный сын нашей партии славной,
Комсомола вперед!
г. Бор,
Горьковская область.

Б. КУНЬЕВ

Броня мира

Ураженный
Немеркнувшей звездой,
Танк тих и мирен,
Как литой утес.
И девочка
С косичкой золотой
Несет бойцам
Вукет душистых роз.
Но было время:
Грохотало небо,

За правду
На дыбы вставала металл,
В любом укрытии,
Где бы недруг ни был,
Его
Огонь прицельный настигал.
Пусть помнит это
То, кто вновь готовы
Спустить полки наемные
На нас,—
Об эту сталь
Калыков ломалось много.
Еще грозней
Она стоит сейчас.
Народ труда
С надеждой и приветом
Глядит на танки,
Песнями звеня.
Словойна может быть
Моя планета:
У мира есть
Надежная броня.
г. Рига.

Юрий ПОДГОРОДНИКОВ

Сосны

Здесь сосны корабельные да ели
Вершинами вздымались до небес;
Как мачты в бурю, их стволы
серпилаи,
И гулом моря была наполнен лес.

Самы природа им предназначаа
Стать вольными скитальцами морей:
Казалось нам, стояна у причала
Флотилия могучих кораблей.

Но не пришлось в открытом океане
Померяться им с силой волны:
Мы их срубали тут же, на поляне,
В жестокий год нагрянувшей войны.

Со злой необходимостью не спорят.
Пошла тогда столетние крещи
Не на постройку кораблей да моря,
А на окна и на барабдажи.

Но, видно, их судьба была такая,
Что стаи наши дот подобьем кораблей:
Крутом тремала буря огнесла
И, словно волны, дыбнаась земля.

Стонала сосны, в диком реве бои
Метала терзаа могучие стволы,
И слысь гнева на краях пробрани
Варуг выступали каплями смолы.

Исполнены невиданною силой,
Сопротивляясь стаки и огню,
Они все мощь лесную с нами самиа
И помогаи нам победить в бою.

Прошли года. Метала давно не
свищел,
Спокойствием овеваны холмы.
И на простые мирные жилища
Былые доты разобрали мы.

В полях коколзных, на родном
просторе,
Под ясным небом Родины моей
Из тех стволлов дома стоят, как в
море
Флотилия высоких кораблей.
г. Кисловодск.

Николай БУКИН

Морская песня

Как близкого друга, прибрежный
гранит
Целует волна озорная,
Да слышно, как тихо над рейдом
летит
Широкая песня морская.

Поет-заливается друг наш баян,
Прибюк вечернему вторю.
И хочется слова улетти в океан,
С ветрами поллярными споря.

Над берегом нашим, над мирной
землей
Горят огоньки, как живые.
Отчиная родная, твой труд и покой
Хранят морьки молодые.

И ночью и днем мы на вахте стоим,
Охраняя границы морские.
Великое счастье — быть стражем
твоим.

Советская наша Россия!
Северный флот.

Лев СОРОКИН

На границе

Когда бы не шофер,
то из Европы
Я незаметно б в Азию попла.
Все тот же тракт,
И рядом те же тропы,
Все тот же хвойно-лиственный Урал.
И мне смешно,

что здесь вот мальчуганы
Не думают о странности судьбы
И, в Азию прогнувшись утром рано,
Скорей бегут в Европу по грибы.
Лишь белый столб с чугиною отградой
Своим безмолвием людям говорит,
Что по траве,
невидимая взгладам,

Граница необычная бежит.
Тут,
у столба,
салились две части света!

В какую надо — запросто шагну.
И, словно символ,

единенье это
Прокладит через всю мою страну.
Недаром здесь китайских делегатов
Фотограф вместе с русскими заснял,
Да так, что объективом аппарата
Две части света сразу же поймал.
...Сосенки перешли на сонный шепот,
А я еще торжественно стоял
На месте том,

где Азию с Европой
Соединяет накрепко Урал.

г. Свердловск.

Вид на остров Шикотан.

НА ДАЛЕКИХ ОСТРОВАХ

Из записной книжки художника

Серафим Фролов — молодой художник, воспитанный Московского художественного института имени В. И. Сурикова.

Еще студентом, готовя дипломную работу, Фролов побывал на Севере. С нарванском судом, на борту парохода «Нирова» он совершил арктический рейс: Архангельск — остров Вайгач — Диксон — бухта Тисси. Суровая и величественная природа Заполярья поразила художника: он побоялся простуды, мужественных людей, творивших здесь вояку, художник создал две картины: «Среди льдов» и «Молодые геологи в тундре» — получившие при защите диплома отличную оценку.

Уже первая его самостоятельная работа, экспонированная на Всесоюзной выставке 1951 года, заинтересовала зрителей. Картина изображала полярную ночь и мечущуюся по снежному насту навети, на которых примостилась девушка с перенатой через плечо сумкой Красного Креста. Называлась картина «И большому...»

Московское отделение Союза советских художников послало Серафима Фролова в творческую командировку на Курильские острова. Внимательно изучал Фролов жизнь рыбаков и истребителей дельфинов, этоды, после чего им была написана картина «Охотники за литами».

Творческий путь молодого художника только начинается, но уже и по первым работам можно судить о том, что привлекает его внимание, какова тема волнует больше всего. Это романтика труда, трудовой героизм советского человека.

Летом 1954 года Фролов вместе с группой молодых художников вновь совершил поездку на эту дальнюю окраину Советской страны. Его этюды, которые публикуются в этом номере журнала, показывают читателям со своеобразной природой одного из замечательных уголков нашей необъятной Родины, где советский человек, так же язык и востод, самоотверженно трудится, созидая великое здание коммунизма.

Перед работой над серьезной картиной всегда хочется оеуугу-гса в гущу жизни, встретиться с интересными людьми, повидать новые пейзажи, обогатить свое творчество новыми мьяллмями, красками. Жизнь учит художника, развивает его фантазию, подсказывает нужные темы. Надо все увидеть, пережить самому, Помятно, какую большую радость испытал я, узнав, что мне представляется возможность поехать на Курильские острова, к рыбакам и китобоям.

...Владивосток встретил нас мерцающими огнями бухты Золотой Рог. Здесь предстояла пересадка на пароход «Молот». Прощальные гудки, четкая команда: «Отдать концы!» — и мы медленно вышли в открытое море.

Широкий морской простор. Наш пароход, грузно покачиваясь на волнах, уходит все дальше и дальше от большой земли.

К вечеру заштормило. По небу плыли черные клочковатые тучи, где-то на горизонте вспыхнула ослепительная молния. Море вздыбилось седыми валами. Волны с шумом ударялись в борт корабля, порой даже перекатывались через палубу. Как раз во время качки я астрелял молодого человека, званногоанное лицо которого показалось мне знакомым.

Китобой-наблюдатель Н. А. Саунин.

Он радостно прокричал мне сквозь вой ветра: — Сын родился!..

Молодой человек мгновенно исчез в одном из коридоров корабля, сообщая встречным об этом важном событии. Я вспоминал: да ведь это вместе с ним и его семьей мы ехали в поезде из Москвы. Вспомнил, как этот молодой человек всю дорогу бережно ухаживал за своей подружкой...

После шторма торжественно отмечали рождение будущего жителя далеких островов. По морским обычаям новорожденного вынесли на капитанский мостик и показали капитану. «На море родился» — значит, обязательно моряком будет», — шутили матросы.

Через несколько суток пароход причалил к самому крупному острову курильской группы — Итурупу. После морского путешествия приятно сойти на берег, почувствовать под ногами твердую землю. Садимся в полутни «газико» и едем в районный центр — Курильск, расположенный в глубине дугообразной бухты. Ухабистая дорога петляет между сопкой, по краям ее шалестет угрунгий бамбучник. Вот дали показалась дымлящаяся вершина вулкана Химелницкий...

В Курильске я познакомился с

Пихтовый лес на берегу Охотского моря.

одним из местных работников тов. Бабичем. Несмотря на свои годы, он увлекается спортом и выглядит на редкость бодрым и крепким. По его предложению мы решили совершить восхождение на вершину одного из потухших вулканов. Вместе с нами отправилось еще несколько человек.

Чем выше мы поднимались, тем чаще встречали ручейки, вытекающие из-под сверкающих снежных шапок, раскиданных среди цветущего ковра горных лугов. Нам открывалась поразительная картина: красные, синие, желтые цветы, рядом снег и над всем этим синев-синев небо.

К кратеру вулкана мы пробрались по гребню хребта, поросшего какой-то водянистой ягодой и брусничкой. Последние метры были особенно трудными: потонуло острое запястье серы, то там, то здесь выбивались фонтаны горячей воды. Но вот наконец и вершина. Прямо под ногами — огромный котлован глубиной примерно в километра, а вокруг нас желто-красные и черные, словно вылитые из чугуна, скалы, пласты окаменевшего пепла, белая облачка пара над серными источниками... Какая стихия когда-то бушевала тут!

С вершины открывалась чудесный вид. Бесконечно растянулись пихтовые леса; вдали виднелись деревянные домики Курильска, расположенного в глубине дугообразной бухты; зеркалами блистали прозрачные озера, окруженные зарослями лиственниц, призматических берез и дикой вишни; яркие цветы шиповника, раз-

бросанные среди песчаных дюн; причудливо изгорожденные скалы, и над ними тысячи чаек и криклявых морских голубей... Как передать всю эту красоту!

***

Прожил несколько недель на китомбинате «Южный», а перебрался на юг острова, в Лесозаводск. Природа здесь довольно своеобразная. Я видел рябину высотой в многоэтажный дом и лопухи, которые поражают своими размерами: диаметр их листьев достигает почти полутора метров. На юге я побывал на рыбных промыслах.

Однажды Тихий океан разыгрался. Остервенелый швал опрокинул кунгасы. Люди выбивались из сил, борясь с kloкочущей волной. Но на помощь им своевременно пришел быстрходный катер. Полетели в воду спасательные круги, крепкие руки подавляли рыбаков. Вскоре все спасенные уже грелись в кубрине.

Старый рыбак Слюсарев рассказывал нам о различных случаях из своей жизни. Тихий, мягкий его голос никак не соответствовал его коренастой, плотной фигуре и обветренному лицу. Не раз Слюсарев попадал в штормы, терпел бедствия, но всегда верные друзья во-время приходили на выручку. Молча слушали рыбаки своего товарища.

Стараясь не обращать на себя внимание окружающих, я делал зарисовки. В эти часы и родилась у меня тема для картины — тема дружбы и товарищества суровых, отважных людей, борьбы человека со стихией.

Вулкан «Вогдан Хмельницкий».

Вулкан «Пограничник».

Лавовые сналы.

Наконец исполнилась моя давняя мечта: вместе с китобоями я отправился в море.

Интересна жизнь на китобойном судне! Надо видеть, что здесь делается во время охоты. Свободные от вахты матросы даже жертвуют своим отдыхом ради того, чтобы не упустить волнующее зрелище. Они собираются на верхней палубе, и каждый из них превращается в своеобразного

болеальщика охоты. Все взгляды в такие минуты устремлены на гарпунера.

Вот совсем рядом показался кит, но, фыркнув, он тотчас же скрылся под водой. Все замерли в ожидании, пытаясь угадать место, где он вынырнет. Один болейщикам кажется, что животное появится справа, другие утверждают, что слева, а кит выходит далеко позади судна.

— Бей, Серге! — кричит сверху матросы гарпунеру Шадрину, увидев черную лоснящуюся спину животного. Гарпунер волнуется, но не бьет, выкидает.

— Чего спишь? Стреляй! — раздается с мостика нетерпеливые голоса.

Матросы вскакивают, размахивают руками. Все они с волнением следят за китом.

— Бей же, бей! — громко кричит самый нетерпеливый из них.

Наконец гарпунер склоняется над пушкой. Выстрел! Длинная прочная веревка, как змея, потянулась вслед за гарпуном. Поднялся столб воды... Мимо!

— Мазил! — возмущенно заговорил мостик.

К вечеру неожиданно перед носом судна всплыл огромный финвал. Гарпунер дал выстрел. Вслед

за звуком выстрела послышался крик лебедки: кит уходя вперёд с гарпуном в спине.

— Молодец, Сергей! Так держись! — обрадовался рулевой Володя.

Кита несли медленно подтягивать к борту. Он отчаянно замаялся в волнах, несколько раз ударил хвостом о железный борт с такой силой, что весь корпус судна содрогнулся. После второго выстрела кит затих.

— На крыше мостика стоит человек со сплюснутым, обветренным лицом и внимательными серыми глазами. Это наблюдатель Сайуки, знаток своего дела, хорошо знающий повадки китов.

Разговорившись с ним однажды, я попросил совета: какую мне выбрать тему для картины о китобоях?

Он задумался.
— Есть такая тема! Если сумеешь нарисовать, получится замечательная вещь.

— А какая тема?
— «Промезэл!» Нужно передать, как люди переживают промах, изобразить, что делается в это время на судне.

Наступил очередной день охоты. В трех милях от нас показались фонтаны.

— Сейвады! — сразу определил Сайуки.

Догнали их быстро. Сейвады шли спокойно, с шумом выпускали воздух и показывая свои острые фонтаны — выступили на спине. Вот они уже — выступили на спине. Вот они уже — выступили на спине. Вот они уже — выступили на спине.

— Промезэл! — вздохнул китобой. Действительно, китов на воде не видно было, и лишь не поспешили в воду.

Сейвады с огромной скоростью стали удаляться в разные стороны, а затем вновь ушли под воду. Шадрин, ожидая появления китов, направили пушку влево. Внезапно наблюдатель закричал:

— Справа кит!

Сергей быстро развернулся вправо и сделал выстрел. Все видели, как гарпун скользнул по спине сейвады. Шадрин махнул безнадёжно рукой и отвернулся.

— Ещё не все потеряно, зря расстриваешься, — говорит кто-то с ваткой.

Третий кит вынырнул совсем близко, но Шадрин опять промазал. Китобой, расстривание, спустился вниз, в кают-комбинато. Разгорялся спор: одни обвиняли Шадрина, другие оправдывали его. Вскоре пришел сам Шадрин и молча, не поднимая глаз на товарищей, сел обедать.

Я стал разрабатывать тему «Промезэл», делал эскизы, наброски, но все получалось как-то не так. Задуманный сюжет меня не волновал. Хотя люди получались очень колоритными, сущность их не раскрывалась. Я понял, что для картины нужен другой момент — борьба человека со стихией.

Первый этюд на эту тему мне пришлось писать под грохот выстрелов и шум шторма. Судно бросало на стороны в сторону, волны перекатывались через палубу. Шадрин, мокрый, окончивший от холода, полдня пролежал у пушки и без единого промаха убил двенадцать китов.

В такую погоду даже самые ярые болельщики отсиживаются в теплом кубрике. Но энтузиасты, вроде глзастого Володы-рулевого, били, как всегда, на палубе.

Поселок комбината «Ясный».

Все это крепко запечателось в памяти: Володя, уцепившись за поручни, рядом с ним юнга-поваренок, закутанный в большой полушубок, и Шадрин в развевающегося мокром черном плаще...

Это был удачный день не только для китобоев, но и для меня: я нашел главное — тему будущей картины.

Неше судно взяло курс на север. За левым бортом живописной чередой возникли крутые берега островов. Дул холодный ветер. Солнце то и дело скрывалось за серыми, дождевыми тучами. На мостике стояло несколько взрослых наблюдателей и среди них Сергей Шадрин. Он задумчиво смотрел вдаль, а я в это время набрасывал с него рисунок. Вдруг, не говоря ни слова, он подошел ко мне, с улыбочкой взглянул на еще не оконченный набросок и вернулся на прежнее место, приняв нужную

позу. Хорошо иметь таких послушных натурщиков! Вообще, с кем бы мне ни пришлось встречаться за время своей поездки, со стороны всех я всегда находил поддержку и помощь. Рыбаки, мапрасы, китоловы с готовностью выполняли мои просьбы. Будучи сами людьми напряженного труда, они с уважением относились и к моему труду художника.

И, может быть, здесь, на Курильских островах, я впервые особенно остро почувствовал, как бесконечно дорога для советского человека его земля. Всюду я видел знакомые приметы нашей, испорченной созданием жизни, русту благоустроенные поселки, строения больниц, школы. Советские люди самоотверженным трудом преобразуют эту далекую окраину, которая является неотъемлемой частью нашей необъятной Родины.

Два месяца я проплавал с китобоями и твердо решил написать о них большое полотно. В моем чемодане более сотни этюдов: пейзажи, портреты рыбаков, китобоев. В голове созрели новые планы, собран основательный материал для будущих картин. Можно возвращаться в Москву и приступить к работе.

Ночь. Луне освещает дальние вершины гор, по воде таятся зыбкие золотые дорожки. «Циклон» принимает на борт пассажиров, отправляющихся на материк. Прощаясь, обнимаются всеские хлопцы, жмут крепко руки. Переполненный пародок, освещенный яркими огнями, отчаливает от пристани. Оставшиеся на берегу машут платками, шляпками. Гремит залп гарпуной пушки.

До новой встречи, дорогие друзья!

С. ФРОЛОВ

Китобой-наблюдатель.

Ранней весной был я в Кулундской степи. И вот мне вновь довелось увидеть Назаровку, большое алтайское село, куда полгода назад приехал первый отряд новоселов — молодые рабочие и инженеры. Тогда все вокруг было белым-бело. Под бескрайним снежным покровом дремала нетронутая земля. А теперь не узнать этих мест — так преобразил их героический труд советских патриотов. Вот раскинулись огромные светозолотые квадраты посевов ося. Поодаль тянется широкая золотисто-кремовая полоса прославленной алтайской пшеницы. Еще дальше зеленеет подсолонница. А на самой кромке горизонта виднеется черная узкая лента. Это вспаханная целина — еще один изрядный кусок земли, отвопавший необычайной Кулундской степи.

Поднимаю туши пыли, наш грузовик мчится по Назаровке. Водитель, москвич Сергей Сироткин, прехватив на узоборону, резко тормозит. Я увидю дом, над крыльцом которого весной трепетал на ветру мучачиный плакат, приветственный новоселов. А сейчас он призывает лущить и в скакоте срывать урожаи.

— Вот и приехали! — говорит Сироткин.

Но в конторе Назаровской машинно-тракторной станции мы ничего не застали. Да и не удивительно: страдая пора, все в поле.

Вскоре в контору пришел экономист Иван Белкин, подошел к телефону, стал выговаривать Михайлову.

— Исполнок? Прямите svolku! — кричит он в трубку. — За весну и лето поднято истреждать тысяча гектаров целины. Для выполнения нового, увеличенного задания необходимо вспахать четыре тысячи...

Он сообщает также о ходе уборки, говорит, что с гектара намолочивают по 22 центнера.

Слушая эти отчаянные вести, я вспомнил слова старшего слесаря эвальной ремонтной мастерской Семена Петровича Емстратова, сказанные им в памятный день встречи новоселов. Вручая на блюде хлеб-соль комсоргу Зое Гавриллиной, он пожелал тогда москвичам добиться богатейшего урожая. И вот хлеба уродились на целине отменные. Такого урожая в этих местах уже давно не было.

РАЗГОВОР О ТРУДНОСТЯХ

Мы сидим с трактористкой Ниной Лазаревой на бревнах, сваленных в ялбу. В ялбу идет сеанский. Но картину привезли старую, которую уже много раз показывали. И поэтому мне, как и Лазареву, в ялбу не пошла.

— Вот если бы догадывались привезти сюда «Первую весну» — фильм о новоселье, о молодости, поднимающей целину! — говорит Цейла. — Но уж что-то очень медленно катятся диски с этим документальным фильмом от столицы до Назаровки. Но это я так, между прочим заметила... Вы спрашиваете, как у нас дела идут, какие успехи, трудности? Трудности у нас, конечно, были и есть. Вот, скажем, пахали мы горючину — так здесь солончакые почвы выны-

И. ЛЕМБЕРИК

Фото В. Гребнева.

вают. Теперь солончак твердый, как камень, а весной он вязкий и жидкий. Но горючину на тракторе будто по болоту пробираешься, а здесь еще плуг пятиземельный тащится. Днем-то ничего, опасные места видно, а вот ночью...

Нина языко поекаивается — то ли потому, что вечер уже по-осеннему свеж, то ли потому, что воспоминание о ночной пахоте не из приятных. Весна в этом году пришла в Кулундскую степь поздно. Поднимать целину приходилось в непогоду; почти не переставая, дил холодный дождь.

— Такие темные ночи вылались, — продолжает Нина, — что хоть и фара светит, а пробираешься на ощупь. Однажды едут в такой крошечной тачке, являя правую гусеница соскочила на борозду, и весь трактор накренился. Я прибавила газу, но — куда там! — жиха стала засасывать трактор, пришлось заглушить двигатель. Фара погасла. Стало темно, так темно, что не отличия паханое от непаханого... Вязку, одной мне не выбраться из борозды. Тогда я попросила прицеписту Тамару Якушину сбегать за Тоней Анхимоским, который на этом же поле пахал. Легко сказать — на этом же поле! Оно гектаров четырехста, а я все мудрую, все стараясь выбраться из борозды. И ругаю себя при этом: говорюли же нам, что здесь солончак, а мы решили ехать этих самых солончачьих островков от всего поля не отказываться.

— Около часа примерно прошло, пока Тамара до Анхимоского добралась да пока он плуги от

своего трактора отцепил и за мне ехал. Ну, а как депалил мы трактор тросом, который борона крепится, как попался этот трос и как его связывали, рассказывать долго, да и неинтересно. Скажу только, что горючину, в которой трактор увяз, нам с Тоней и Тамарой пришлось руками разгребать. Но в этом уж я сама виновата: надо было при себе лопату иметь.

Нина помолчала и продолжила рассказ:

— В общем трактор откопал. Тоня сел за рычаги и в конце

концов вывел машину на твердое место. А потом и плуги завязшие вытащили. Вот как крепко вырвали меня Тоня Анхимоский. Вы, видимо, знаете Тоню-то? Молодецкий такой, волосы у него курчавые, и ребята все подшучивают: «Когда же ты завянешь успеваешь, если с трактора почти не слезаешь?»

О том, что в ту ночь юрма — шесть с половиной гектаров — асе же была выловлена, Нина говорит, как о чем-то совершенно обыденном.

Эта девушка отлично работала на заводе. Кажется, совсем недавно в заводской газете сообщалось, что вместе с группой из полновольной десанта велосипедных колес Нина центрует в пять раз больше, показывая пример своим товарищам. А сейчас трактористка Нина Лазарева в далекой Кулундской степи рассказывает мне о своей новой жизни, о специальности, которую она едва приобрела и по-настоящему полюбила. Быть трактористкой, да еще на целинной земле, — какая это великая честь!

НАСТУПЛЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

На добрую сотню километров в длину и на столько же в ширину раскинулись земли, где трудятся назаровские механизаторы. Покорил колхозник Федосей Давыдович Фисусов, которому поручено возить из Назаровки в Невское горючее для комбайновых двигателей, жалуетесь:

— Хоть и спранные у меня люди, никак не поспеваю за день в МТС и обратно съездить...

Семь колхозов, входящих в зону МТС, владеют тысячами гектаров земли. В Никольцевской сельхозартели имени Энгельса только под посевными было занято в нынешнем году двенадцать тысяч гектаров, а посевная площадь продолжает все увеличиваться.

Трактористы ведут планомерное наступление на целину. На рабочей и краевой досках почти рядом с именами таких знатных механизаторов, как Герой Социалистического Труда Павел Губин, Николай Усов, Николай Вахлов, встречаются уже и имена новоселов. И не только москвичей, но и горьковчан, барнаульцев, ростовчан.

В Алтайском крае широко известно имя знатного тракториста Героя Социалистического Труда Павла Губина. На всей площади посева, которую обработала его бригада, выращен обильный урожай зерновой. На с ним и с ним: Павла Губина перед началом работы дает задание Зое Гавриллиной и Нине Лазаревой.

Витя Сергеев — самый юный механизатор Назаровской МТС. Не так давно участок, где он работает, посетили пионеры. Ребята горячо поздравили передового тракториста с трудовыми успехами.

Приехавшие сюда из Горышю Юра Алексеев, Коля Барышков и Геннадий Теляков самоотверженным трудом способствуют славу родного волжского города. Недавно приехавшие Алексеев и Барышков учатся сейчас на трактористов. В училище механизации сельского хозяйства, что находится в селе Ключи, успешно овладевают этой специальностью многие другие юноши и девушки.

В каждой из двадцати одной тракторной бригады Назаровской МТС встретишь пионеров. Сашу Игитова, восточного паренька, и увидев утром в полевом стане. Он работал всю ночь на тракторе, а сменявшись, занялся выпуклым стеной газеты.

— Заметок мало, — сетует Саша. — Некогда писать ребятам, да и критиковать никого: все адорво работают...

К сожалению, не везде дело обстоит так благополучно. В полевом стане бригады Сергея Мельникова, например, мне встретился парень, бесцельно слоняющийся между избой, где спят трактористы, и кухней. Он затевал разговоры с пова-

ствовать в ремонте машин и самолично устроил себе ежикопилку. Из-за этого Палу Красовую, сменившую Чеурного, пришлось работать за двоих — за себя и за прогульщика. Теперь Чеурного всюду бегает, запасается бумажками. Повзрела он говорит, что-де без него, Чеурного, бригаде не обойтись и что рано или поздно к нему придут и поклонятся в ножи.

Повзрела скептически качает головой, улыбается. Даже она знает, что иногда этому не быть, ибо на тракторе, который работает самый юный механизатор Назаровской МТС семнадцатилетний Витя Сергеев. У себя на родине, в Ростовской области, он водил маленькие колесные тракторы, а здесь ему доверили огромную машину, и он вполне оправдывает оказанное ему доверие. Рядом со своим молодым трактористом Виктор Сергеев кажется совсем маленьким, его голова едва достает гусеницы, но вот Виктор сел за рычаги, и послушная его воле машина двинулась по целине, оставляя чуть правее себя глубокий след дыни лемехов.

НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫЕ ПЛАНЫ

В одной из папок, пылящихся в конторе МТС, среди аккуратно подшитых бумаг хранится и план строительства, который директор станции Владимир Назарович Крестинев еще ранней весной показывал новоселам. План этот не выполняется. Где они, новые мастерские, навесы, гаражи для комбайнов? Почему тушею самое благоприятное для строительства время — лето и ранняя осень?

За многотрудными посевными и уборочными делами ответственные товарищи Назаровской МТС забывают о приближающейся зиме. Где будет храниться и ремонтироваться техника, которую щедро шлет сюда государство? Над этим летом из руководящей МТС серьезно не задумывался.

Еще летом новоселы направили в Москву за инструментом участкового механика Геннадия Назаруга. Инструмента от доставили много. Но уже несколько месяцев привезенные им вещи стоят неработающими: нет инструментальной кладовой.

В Назарове осенью было особенно много народу. Кроме новоселов, здесь трудятся приезжие шоферы, комбайнеры, строители.

Столовую же долгое время не открывали. Как говорится, ни шито, ни валло шло ее строительство. А это, впрочем, тоже мало беспокоило дирекцию.

Прораб комсомолец Анатолий Сердюк, приехавший на Алтай из Москвы, в свое время участвовал в сооружении университетов на Ленинских горах, работал строителем на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Он говорит:

— Можно благоустроить и Назаровку, было бы только внимание к этому делу, но внимания пока не видно. Не чувствуется, чтобы руководители МТС заботились о новоселах.

Неприглядно в этом отношении и роль комсомольской организации машинно-тракторной станции.

еще совсем недавно комсомолец Владимир Носов был заборочником на заводе, а теперь — умелый тракторист. Бригадир Сергей Иванович Мельников доволен работой новосела.

Комсомольская работа свернулась. Уже несколько месяцев во многих бригадах не было собраний. Ни один из молодых механизаторов не принят в комсомол. Не стал еще комсомольцем и ростовский паренек Витя Сергеев, хотя своим самоотверженным трудом он доказал, что достоин этого.

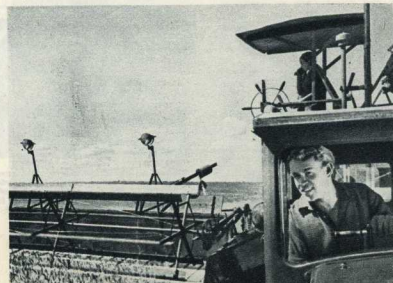
А где же секретарь, где члены комитета, где бригадир комбайнер. Летом они ремонтировали свой уборочный агрегат, а теперь работает в поле. Члены комитета тоже находятся в бригадах. Перенести же работу непосредственно в бригады комсомольские активисты не сумели, вернее, не удостоились.

А между тем вопросы, требующие активного вмешательства комсомольской организации, непочтатый край.

Комитет ВЛКСМ не проявляет никакой заботы о повышении общеобразовательного уровня комсомольцев и молодежи. Достаточно сказать, что в сентябре члены комитета еще не знали, кто из молодых механизаторов где будет учиться.

Жаль, что равные комсомольские работники — резкие гости в Назаровке. А ведь новоселы вправе ждать от них конкретной, деловой помощи...

Тракторист комсомолец Владимир Хабаров убирает тучные хлеба на том участке, где полгода назад он поднимал целину.

**В СУББОТНИЙ
ВЕЧЕР**

Быстро летят дни недели. Вот и суббота — бальный день. Даже в самые горячие дни механизаторы выкраивают час — другой, чтобы привести себя в порядок.

Вечерами, обычно накануне выходных дней, устраиваются маленькие торжества.

— Сегодня день рождения инженера Георгия Семенова.

— Жора! Выжди на минутку, — говорит Семенову Артур Ээриш. — Сейчас тебе девчата сюрриза следуют — имоной торт приводедут. Собственного производства...

— Пробытался! — грозит Артуру кулаком Нина Лазарева. — Все дело испортят!

Но дело не было испорчено. Хорошо отметили товарищи день рождения Семенова. Юбилера тепло поздравляли. Были даже оглашены «оды», сочиненные тут же за столом Володей Хабаровым и Геннадием Паленгутом. Потом пели любимые песни, слушали патефон. Напоследок завязался оживленный разговор о Москве и о новой жизни на Алтае, о прочитанных книгах и о музыке, о доме и о любви.

— Вот мы все называем наше новое местожительство Кулуудинской степью, — сказал участковый механик Володя Молотков. — Но ведь степью уже лет. Есть поля, которые мы с вами создали.

Константин Шурлапов, самый старший по возрасту из новоселов, все вспоминал об оставшихся в Москве детях-близнецах — Коле и Фесе; Артур Ээриш рассказывал друзьям о своей невесте Нине Копдратьевой, техническом контролере одного из столичных заводов.

Однако в разговор участвовали не все. Молчала Нина Лазарева, молчал и виновник торжества Жора Семенов. Должно быть, в эту минуту они думали о родных и близких, с которыми расстались полтора года назад. Но молчанье длилось недолго. Вот снова озарился улыбой лицо трактористки Нины Лазаревой. Вот уже акцентируется в шумный разговор Жора Семенов. Да, некто уезжает из отчего дома за много тысяч километров — и не на неделю, не на месяц. Но если этих простых и откровенных парней и девушек спросить, хотят ли они вернуться в Москву, они отвечают: «Нет, не хотим. По крайней мере, до тех пор, пока нам не скажут, что мы сделали все, чего от нас ждали, — обеспечили страну зерном».

Разошлись в полночь. Один — те, что работают на усадьбе МТС, — пошла домой, другие, — кому в пять утра уже надо быть в поле, — отправились в бригадные станы, освещая дорогу электрическими фонариками.

ЗАКОННАЯ ГОРДОСТЬ

Приехал в конце февраля на Алтай, комсомольцы еще застали здесь соржатадуские морозы. Новоселы прожили в Кулуудинской степи весну, лето, осень. Теперь они ждут наступления зимы, чтобы замкнуть годовой круг.

Эти месяцы принесли большие трудовые победы. Митяевский и Никольский аэропланы не успевали принимать зерно, убран-

В старинную пору участковый механик Геннадий Паленгут на своей «двушке» посевная весну, где требовалась неотложная техническая помощь.

ное на полях, где вместе с алтайскими старожилками трудились новоселы.

...С чувством законной гордости комсомольца агроном Люба Паршина отбирает снопы овса и пшеницы для районной, краевой и Всесоюзной сельскохозяйственной выставок — экспонаты с целинных земель!

Принято видеть, как счетоводы колхоза и бухгалтеры МТС подсчитывают количество хлеба, заработанного полеводцами и механизаторами — участниками патристической борьбы за урожай 1954 года.

Недавно в газете «Правда» комбайнер Назаровской МТС Героя Советского Союза Третья Павла Губин писал:

«Нынешней весной мы дали слово в лучшие агротехнические сроки произвести подъем новых эе-

агроном Люба Паршина и участковый механик Николай Чурбанов перед уборкой осматривают поля.

— Как вам нравятся пшеница? — спросила Люба механика и бросила слово соломенную шляпу на носок.

— Отменный урожай собираем! — отозвался механик, наблюдая за шляпой, покачивающейся на носках, точно на волнах.

механизаторами в бригаде трудятся молодые новоселы, прибывшие в наш край из Москвы.

Самостоятельный труд дружного коллектива бригады алтайских старожилков и московских новоселов не пропал даром. Он принес свои плоды: на всей площади посева, обработанной бригадой, выращен обильный урожай».

Здесь, в Кулуудинской степи, хлеборобы и механизаторы собираются в этом году отметить праздник урожая. За длинные столы вместе со всеми труженниками Назаровки, Никольевки, Ашегуля, Толуумок, Покровка усядутся колхозы и деушки, приехавшие сюда с первыми отрядами новоселов: комсомольцы Москвы, Горького, Ростова, — те, кто первыми откликнулись на призыв родной Коммунистической партии и с нестойкой держат слово, данное Родине.

с Назаровки, Алтайский край.

По дорогам пошла машина с первыми хлебом, выращенным на целинных землях...

Ю. БАТЮШКОВ

«ДЕВИЧИЙ ЭКИПАЖ»

Фото Р. Гольфанда
и А. Лукьяновича.

Командир «девичьего экипажа» Тания Попова.

Подруги — Тания, Люда и Нелли — зимой встречаются редко.

Тания Попова, прослушав лекции в своем институте, обычно торопится в гимнастический зал размяться на турнике, поработать на брусьях. После гимнастических занятий она нередко отправляется на каток. Люда Комлева учится в оптико-механическом. Три года подряд держит она первенство Ленинграда по слалоу. Нелли Фунтикова, студентка электро-механического института, — завладя баскетболистка.

Вот и получается, что с осени до весны они почти не видят друг друга. Девушки-комсомолки учатся в разных институтах, у каждой свои дела, свои заботы.

Но вот длинные становятся ленинградские сумерки. Густой, влажный ветер приносит с моря теплое дыхание весны. И тут уже никакая сила не разлучит Ташу, Люду и Нелли. Каждое воскресенье подружки проводят в яхтклубе возле своей яхты: они обдирают с бортов старую краску, шпаклюют дырки, красят, полируют... Надо видеть, с какой любовью они это делают!

Но вот уже отремонтированы и проверены рангоут, такелаж, паруса. Подходит время спускать судно на воду.

Наконец наступает долгожданный день, и белопарусная яхта выходит в море...

На берегу еще бывает, что девушки спорят. Мало ли по какому поводу может возникнуть

спор между подружками! Но зато в плавании этого никогда не случается — дисциплина на яхте образцова. Да иначе и быть не может: ведь яхтой управляет Тания Попова, испытанный командир «девичьего экипажа», как его в шутку называют друзья.

...Еще пионеркой пришла Тания в спортивную школу. Она была единственной девочкой среди

ста тридцати восьми мальчишек. Ребята встретили ее вначале насмешками, дразнили порой за косички, говорили, что все равно ничего путевого из нее не получится. Но Тания сумела быстро завоевать авторитет. Старательно, с присущим ей упорством она взялась за учебу.

Настойчивый характер Тани Поповой понравился начальнику школы Владимиру Баграфовичу Леонову. Он сразу почувствовал, что девушка крепко любит парусный спорт. Опытный тренер терпеливо учил Танию сложному искусству управления яхтой.

Тания оказалась способной ученицей. Ее доверили командованием килевой яхты «Арго». И не ошиблись: два года подряд выигрывала Тания первенство Ленинграда и отвозила почти все кубки у юношей.

...Сколько волнений пережили девушки, когда в 1953 году Центральный совет добровольного спортивного общества «Наука» включил их экипаж в сборную команду для участия в соревнованиях на первенство СССР. Им дали килевую яхту международного класса «Дракон». Корпус оказался легким, но запущенный, заросший водорослями, паруса вытянутые. Немало пришлось девушкам потрудиться, чтобы привести яхту в порядок.

Перед соревнованиями, которые должны были состояться в Риге, во время первого же тренировочного выхода случилось непредвиденное происшествие. Только стали делать поворот, как вдруг выскочил и упал за борт румпель. Яхта потеряла управление. Девушки попытались приспособить вместо румпеля березовую палку, но она сломалась. Хотели убрать парус, но, как назло, заело лебедку. Судно повело в открытое море. Подоспевший парусник выручил девушек из беды, на буксире привел в гавань потерпевшую аварию яхту.

Лишь утром, в день соревнований, девушкам олоджели румпель от другой яхты. Они кое-как подогнали его, но управлять все же было трудно.

Экипаж Тани Поповой впервые выступал в таких ответственных гонках, где участвовали лучшие яхтсмены страны, мастера спорта. Только благодаря сработанности, натренированности и настойчивости девушек сумели завоевать призовое место А в одной из зачетных гонок попутри первыми финишировали, оставив позади прославленных чемпионов. И когда на параде девушкам перед строем лучших яхтсменов вручили приз, все присутствующие наградили их дружными аплодисментами.

В спортивной жизни трех подружек, конечно, бывают и неудачи. Но девушки не опускают руки, не отворачиваются. Они делают практический вывод: значит, надо еще больше тренироваться, без устали совершенствовать свое мастерство.

Девушки мечтают о том времени, когда их яхта снова выйдет на балтийские просторы. И кто знает, не окажется ли она самой легкой, самой стремительной — яхтой чемпионов.

После соревнований подружки отдыхают на бульваре.

ВЕЛИКИЙ ПОЭТ- МЯТЕЖНИК

Портрет М. Ю. Лермонтова работы художника П. Е. Заболотного. 1837 год.

Пушкин убит... Весть об этом мгновенно облетела Петербург. Тысячи людей бросились к дому поэта. Жандармы уже окружили дом плотной стеной. Кто убил? Почему?.. Печать, верная правительству, молчала. Потрясенный народ не верил официальной версии: Пушкин будто бы сам выводел в своей смерти; причина дуэли — ревность поэта, все дело якобы имеет личный характер.

Нет, это не так. Народ не верил. Он искал объяснения. Никто не мог дать его. Кто знал, молчал. И вдруг, словно молния сверкнула, сказано было правдивое слово, сказано с гневом, страстью, сказано с великой любовью к Пушкину, с глубокой ненавистью к его убийцам.

Из рук в руки передавалось стихотворение неизвестного поэта. Оно в то время не могло быть опубликовано, да в это не было нужды. Тысячи рук переписали его, размножили, передавали из уст в уста.

Стихотворение «Смерть Поэта» поразило своей поэтической силой. Так написать мог бы только сам Пушкин. Словно из его гроба, посыпавшись этот голое печаль и гнева.

Это был революционный голос. Поэт прямо указал на убийц Пушкина — придворную банда сановников во главе с самим царем Николаем I. Данное был только исполнителем полого заговора. Автор стихотворения с презрением отводил его в сторону:

... Не мог щадить он нашей славы;
Не мог понять в сей миг кровавый,
На что он руки поднимал!

Придворная аристократия, высшие круги правящего дворянства — вот кто направила дуло пистолета в грудь Пушкина. Не личный, семейный характер имела роковая дуэль, а глубоко политический.

Вы, ядливо толпой стоявшие у трона,
Свободы, Религии и Славы пламенный
Тягачь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда — все молчим!

Это был обвинительный акт, предъявленный не отдельным сановникам, а всему самодержавию. Поэт не ограничился обвинением царя. Он обещал суд и возмездие:

... Есть грозный судия он ищет,
Он не доступней званью златом...

Этим грозным судьей мог быть только революционный народ. Поэт предсказывал приговор:

И вы на смеете везти нашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

Надо перенестись мысленно на сто с лишком лет назад, в мертвящую атмосферу николаевского застенка, чтобы представить себе впечатлительно, которое произвели эти пламенные стихи. «Революция! Матеж!» — кричали сановники, узнавшие в обвинительных стихах себя. Великосветские салоны заужали, как потроженные осины гнезда. Кто он, этот дерзкий поэт?

Царь пришел в негодование. Он смертельно боялся призрака декабристского мятежа. В поэзии Пушкина он чувствовал искры революционного пламени. Пушкин умер, убит. Но неугасимая искра снова вспыхнула, и «возмутительные» стихи, словно эстафета революции, переданы одним поколением другому.

На ноги была поставлена вся жандармерия. Искать пришлось немало. Царю доносил: автор стихов — корнет лейб-гвардии гусарского полка Михаил Юрьевич Лермонтов. Ему 23 года. Читает стихи, в которых воспевают Кавказ. Учился одно время в университет. Ни в чем преосудительного не был замечен. Ведет светскую жизнь. Бабушка очень богата и связана с высшими дворянскими кругами.

Связь бабушки спасла молодого поэта от горькой участи, которая впоследствии постигла Тараса Шевченко. Не рядовым солдатом, а офицером Лермонтов был отправлен на Кавказ под псевдонимом. «Убрать», — кратко написал шеф жандармов Бенкендорф.

...

Ни жандармы, ни литературная критика того времени не знали, что молодой поэт уже давно писал стихи, что его волнует страстные, необычные мысли. Еще с самых ранних лет им владеет образ Демона — мятежной силы, вставшей против установленного

богом порядка. Демон презирает этот порядок, построенный на смиренности перед вышней силой; порядок, при котором человек — это раб. Демон не хочет смириться. Он дух отрицания. Он чувствует свое превосходство над божественным миром. Но он одинок. Презрение к богу, к людям, гордое одиночество составляют фигуру Демона. Поэму о нем Лермонтов начал еще в детские годы и непрестанно возвращался к этому образу гордого и одинокого мятежника.

Но он не ограничился философскими образами из фантастического мира. Поэма «Мцыри» говорит о земных людях и явлениях. Книжный отшельник бежит из душного монастыря, его увлекает борьба, страсть бурной жизни. Ему ненавистен застой. Он мятежник.

Таковы и другие герои Лермонтова. О каждом можно сказать:

А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

И сам Лермонтов — мятежник. Он глубоко презирает современное ему пошлое дворянское общество и чувствует свое превосходство над современниками. Его внешнекая «Повесть без названия» («Вадим») содержит живые, реальные картины крестьянского восстания против помещиков. Сочувствие Лермонтова на стороне крестьян. В внешнекой драме «Странный человек» герой произносит пламенные тирады против несправедливости и жестокости крепостничества.

Таким образом, поражающая нас политическая зрелость и глубина в революционном стихотворении «Смерть Поэта» не случайна. Это не стихийный порыв оскорбленного чувства. Это сознательный политический протест рожденный революционным мировоззрением. Лермонтов был передовым человеком своего времени.

...

Лермонтов умел ненавидеть и презирать общество, построенное на бесправничной власти рабовладельцев, на вынужденном смирении рабов. Его поэзия указала этой ненависти и этому презрению.

В «Песне про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», в стихотворении «Бородино» передана страстность и нежная любовь Лермонтова к России, к русскому народу. Нет, не всех презирает гордый и одинокий его мятежника. Они любят Родину и готовы отдать за нее жизнь.

В лице удаюго купца Кааашникова воспет простой русский человек, для которого независимость и честь дороже жизни.

«Бородино» — один из самых прекрасных поэтических памятников патризма в русской литературе.

Эта любовь к Родине и есть источник мятжеа в творчестве и в самом облыке поэта. В презрении к современному обществу, в гордом одиночестве нет ни малейшей примеси индивидуализма. Герои Лермонтова одиноки, потому что таково их положение в бесконечной борьбе с судьбой, что нет объективной зпнати. Лермонтов с проникновенной симпатией рисует образы простых русских людей, русских солдат.

Лермонтов страстно хотел счастья для своего народа, мечтал о его свободе. Но какие лежат к этому пути? Он не знал. Он видел лишь то в окружающем его общественном обществе: не в таких силах, ни в таких идеях, которые увлекали бы людей на борьбу.

Лермонтов было всего 11 лет, когда Россию озарила революционная мятжеа декабристов. Его зарево постепенно тусклое. Передовые дворяне, загнанные геротером, переходили в Альтер эгоисты. Альтер эгоисты казались, что нет революционной зпнати. В замечательном стихотворении «Дума» он писал о политическом банкротстве своего поколения, о ренегатстве «отцов», промотавших революционное наследие декабристов:

Печалью я гажну на наше поколение!
Его грядущее — или путь, или темя...

Как представляется этого поколения, как «героя» своего времени, Лермонтов показал Печорина.

***

«Герой нашего времени» — это стало формулой, обозначающей собирательный тип «передового человека каждой эпохи». «Герои нашего времени» сменяют друг друга. В их типических чертах выражены основные особенности народного движения. Печорин — это смелый, Онегина, тобы, в свою очередь, уступили место тургеневскому Вазару — герою 60-х годов. Герои это разные, разного классового происхождения. Но все они отражают народную, крестьянскую революцию в ее развитии — от первых, разрозненных выступлений до общего подъема, создающего революционную силу в стране.

Печорин в своей личности повторяет и сильные и слабые стороны зародившегося в народных глубинах революционного движения. Это богато одаренный, сильный молодой человек, высоко поднявшийся над современным обществом. Он глубоко презирает Грушницких, «дрязмыны капитализма», лезвие великодушество зпнати. Он создан для борьбы, для мятжеа, для революция. Но как бороться? За что? Он одинок. И его богатые силы растрачиваются на романтические похождения.

Поступки Печорина не могут вызвать сочувствия к себе. Но его образ обаятелен. Читатель чувствует, что на Печорина лишь человек светского человека, что он в действительности чужой человек в дворянской среде, которая на его презрение отвечает злобой и страхом. Печорин родился как будто случайно рано. «Герой нашего времени» принадлежит другому времени.

Герой Печорин — порыва и извольная читателя, лишь молодой человек. Но Лермонтов не был поэт, как не был поэт в свое время и Пушкин.

Разгада Лермонтова Великий. Он открыл в молодом поэте великую, гениальную силу русской литературы. Он почувствовал в Лермонтове и силу революционера. В 1840 году Лермонтов за дуэль с французским дипломатом Барантом подвергся аресту на гаушвахте. Здесь посетил его великий критик. Встреча русского революционного демократа с молодым, ищущим своего пути певцом мятжеа имеет исторический характер.

Белинский писал после этой встречи с Лермонтовым своему другу В. В. Боткину:

«Недавно я был у него в заточении и в первый раз поразился с ним от души. Глубокий и могучий дух! Как он верно смотрит на искусство, какой глубокий и чисто непосредственный вкус изысканий. Печорин — это он сам, как есть. Я с ним спорил, и он отразил в разговоре мое суждение, охватившее и озлобленное взгляде на жизнь и людей семеня глубокой веры в достоинство того и другого».

Белинский переживая тогда свой период решительного поворота к социализму, — конечно, утопическому, но революционному, связавшему с верным путем и идеалами в революционное движение против всего помпешче-самодержавного строя.

О чем же другом могли беседовать и спорить Белинский и Лермонтов в тиши и уединении военной тюрьмы? Лермонтов не совсем соглашался. Ему, очевидно, трудно было выйти из скорлупы своего одиночества. Но он впервые должен был почувствовать себя не одиноким. И, может быть, горячая речь Великого открыла перед ним путь в будущее.

Во всяком случае, Белинский нашел в Лермонтове родственную душу, а это значит — душу страстного патриота-революционера. Великий писал, что Лермонтов верно смотрел на искусство, сакловатую, как же, как смотра на него сам Белинский. А он требовала от искусства правдивого отражения жизни и служения народу, служения самым передовым, революционным идеям своего времени.

В зашифрованной десятой главе «Евгения Онегина» Пушкин намерен был сделать своего героя — героя 20-х годов — декабристом. Таков был путь Онегина. Каким намечался путь Печорина, если бы его не постигла смерть? Можно сказать, что это был бы путь в кружок петрашевцев. Это, возможно, был бы путь и са-

мого Лермонтова. Но приказ Бенкендорфа «убрать» был выполнен, хотя и с отсрочкой на несколько лет. Крестнички подкапывали под него, и в результате этого заговора оказался Мартынов — ничтожество, повторившее в своем облыке черты Грушницкого. Творчество Лермонтова оборвалось на полуосле. Прессия послела невозможному утрату.

Лермонтов ушел из жизни в бласке и расцвете прекрасной своей поэзии, в расцвете одного из лучших и сильнейших представителей русской молодежи, альбимы, гениальный сын своего талантливой народа. Народ одарил его острым умом, горячим сердцем, неукротимой страстью борьбы за мать Родину.

***

Проходя через поколения русских людей, поэтическое творчество Лермонтова не терпит своей силы, своего обаяния. Он был и остается любимым поэтом молодежи. Его понимают теперь лучше, чем понимали раньше, в минувшие дореволюционные десятилетия. Он стал ближе к нам.

Чем же герой давнего времени близок героям нашего времени, нашей героической молодежи, строящей мосты от социализма к коммунизму? Что общего у Печорина с Олегом Кошевым и что у них различного? В чем перекличка поколений, отдельных представителей друг от друга?

Прежде всего — «глубокий и могучий дух!» Наше поколение нашла научное определение его в строгих положениях марксизма-ленинизма, в теории и в практике великой социалистической революции. Этот глубокий и могучий дух подымает на борьбу, на самоотверженную борьбу за свободу и счастье тысяч молодежи — рабочих. В коммунизме наших дней живой революционной традицией живет и могучий дух наших предшественников, зачинателей русской революции, благородных мыслителей, великих писателей и поэтов.

В мятжеах образам Лермонтова молодежи нашего времени захватывает и покерит необычайная сила ненависти и презрения к проклятому строю рабобандения, подлого насилия над человеческой личностью. Социалистическая революция уничтожила эту строй в нашей стране, но ведь он еще живит вокруг нас, угрожает нам, ведь он еще алкает и валодет позолотной пылью порока. Мы все видим и чувствуем в разбойничьей войне, организаторы диверсий и провокаций. Читая Лермонтова, мы узнаем их. Это те же «свободы, гения и славы палачи», которые убили Пушкина, убили Лермонтова и еще тысячи лучших, благороднейших сынов своего народа и других народов. Они говорят нам: «Порок в этом мире господствует, что в пороки, — это наши смертельные враги, и не коммунизм, не комсомолец тот, кто не презирает их, не ненавидит всей силой своей души. И Лермонтов остается учителем нашей молодежи в этой ненависти ко всему старому, отжившему, что каляет жизнь миллионов людей за рубками нашей страны и еще угродет пережить капитализма сознание иных юношей и девушек в нашей стране.

С героем лермонтовского времени роднит героя нашего советского времени и сознание своего морального и политического превосходства над угнетаемыми эксплуататорскими классами капиталистического общества, неужестивленное, пошлое. Но, сознавая свое превосходство над ним, он не чувствовал ни в себе, ни вокруг себя сил, способных уничтожить это «человекоубийственное общество. И от этого его злоба переходила в озлобленность. Отсюда и та «охлажденность» чувств, о которой писал Белинский.

Герой советского времени видит силу коммунизма, силу революционного рабочего класса. Наша молодежь вступает в жизнь, окрыленная великими победами и великими подвигами. Она видит торжество передовых идей социализма и мира, видит перемены в воле и в идеалах рабочего народа, сбрасывания цепи капитализма и идущих вперед за нами по пути славных побед. Но чем больше успехи лагера социализма и демократии, тем сильнее сопротивление врага, и ненависть к нему остается у нас на вооружении, и поэзия Лермонтова, гневная и страстная, играет не малую роль в жизни нашей молодежи.

Герой лермонтовского времени был одинок. «Один в поле не воин», — учит трусливая мудрость буржуазной старины. Лермонтов был по природе воином, оставаясь почти одним в поле. Он не сдался. Его боевой дух был неустремим. Либеральная «осторожность» была ему чужда. И это привлекает героев нашего времени в Лермонтове, чью одиночество давно ушло из нашей жизни, и лучше, передовые люди наших дней чувствуют повседневную твердую опору в Коммунистической партии, в комсомоле, во всем нашем народе.

И, наконец, то, что передается великой эстафетой из одного поколения в другое, от одного «героя нашего времени» к другому, — глубокая любовь к Родине. Ее не выразит обычными словами патристическим вдохновением великих мастеров художественного образа. И хотя мы хотим обогатить нашу нас чувства в достойные слова, мы читаем, перечитываем — вслух или про себя — незабываемые стихи Пушкина, Лермонтова, Маяковского и других великих поэтов прошлого и советского времени.

И, наконец, ставшая, обаятельным встает в нашем воображении, в нашей памяти облык великого поэта и борца. Лермонтов участвует своим творчеством в героической борьбе нашего времени за счастье народа, за мир и дружбу между народами, за коммунизм.

ОДИН ИЗ НАШИХ ДРУЗЕЙ

Мы встретились с Хасаном Джаном в одном из залов нового здания МГУ в те дни, когда в Москве проходила девятая сессия Совета Международного союза студентов. Он сидел в кресле спиной к окну. На вид ему было лет двадцать пять. Его темные глаза смотрели из-под очков внимательно и немного задумчиво.

— Вас интересует жизнь турецких студентов? — спросил Хасан Джан с грустной улыбкой и огляделся вокруг. — Знаете что, я расскажу вам простую историю про одного из наших друзей.

...Его зовут Халим Спатар. Родился он в семье мелкого чиновника в портовом городе Измире, на теплом Эгейском море. Халим рано ослепел. Старшая сестра и ее муж помогли Халиму окончить среднюю школу, или, как ее у нас называют, лицей. Способный, старательный, трудолюбивый юноша был одним из лучших учеников, хотя учиться ему было нелегко. Халим хотел стать врачом. Родные с большим трудом собрали ему деньги на дорогу в Стамбул и на вступительный взнос в университет.

Тяжело учиться в Турции студенту, если он сын небогатых родителей. Для того, чтобы прожить в Стамбуле при нынешней дороговизне, нужно не менее ста лир в месяц. А ведь студенты, помимо вступительного взноса, должны платить еще и за изучение каждого предмета в отдельности. Напрямую в первом семестре медицинского факультета изучают четыре предмета. Надо платить по десять лир за каждый, в общем сорок лир. Это составляет почти половину месячного заработка рабочего. Занятия в лабораториях, анатомическом кабинете, пользование препаратами — все это тоже оплачивается особо. За право держать каждый экзамен нужно еще вносить по пять лир. Если студент внес эту плату, но по болезни не смог явиться на экзамен, его деньги пропадут. Очень дороги книги. Учебник анатомии, например, стоит сорок

лпир, а тонкая книжка по физике — пятнадцать.

Однако самое странное — это непомерно высокая квартирная плата. Вот почему из двадцати пяти тысяч учащихся лицеев и вышних учебных заведений Стамбула почти половина не имеет постоянного пристанища, своего угла. Осенью и зимой учащиеся и студенты живут в дилбарках, в полуразрушенных зданиях бывших духовных семинарий — медресе. Они забивают окна фанерой, ставят маленькую жаровенку (мангал), на которой готовят себе пищу, едят прямо на полу. Но и отсюда их часто выгоняют. Двадцати своих пар студентов, поселившихся в медресе при мечети Фатих, даже образовали специальное общество, которое они так и назвали: «Общество студентов, ютящихся в медресе Фатих».

Большинство турецких студентов вынуждено зарабатывать себе деньги на кусок хлеба тяжелым физическим трудом. Каждое лето более пяти тысяч из них занимаются как купцам разносчиками фруктов и других товаров. В зимнюю экзаменационную сессию этого года семидесят пять процентов учащихся не смогли сдать экзамены, так как не имели возможности оплатить их.

Наш друг Халим Спатар вместе с несколькими товарищами тоже жил в хибаре, спал прямо на полу, голодал. Он очень хотел учиться, получить как можно больше знаний, чтобы принести пользу своему народу. Но напряженная учеба и нежелание влюбленной подруги здоровья Халима, он заболел туберкулезом. Несмотря на это, Спатар продолжал учиться, принимал активное участие в работе студенческой организации Стамбула, которая отстаивала права студентов, боролась за улучшение их жизни, за демократизацию образования.

В 1931 году, когда молодежь всех стран готовилась к Всемирному фестивалю в Берлине, наш друг был уже на пятом, предпоследнем курсе. Из своих скудных

средств студенты собрали деньги, чтобы отправить на фестиваль хотя бы двух делегатов. Одним из них товарищи выбрали Халима Спатара. Они поручили ему рассказать участникам фестиваля о жизни и борьбе турецкого студенчества, установить прочные дружеские связи с молодежью других стран.

Турецкие власти не позволили делегатам отправиться на фестиваль. Но Халим Спатар все же приехал в Берлин. Он был в Берлине в дни фестиваля, когда там, как писал Назим Хикмет, «несли песни счастливые, как здоровые дети, светлые, как деревья на весенних дорогах».

Побывав наш друг и на Конгрессе Международного союза студентов в Варшаве. Опасаясь, что по возвращении на родину Спатара могут посадить в тюрьму, друзья предложили ему остаться в Польше.

«Нет», — ответил Халим, — я выполню лишь половину поручения моих товарищей. Я должен рассказать им о том, что видел, передать, что они не одни в своей борьбе».

Халим вернулся и стал расска-

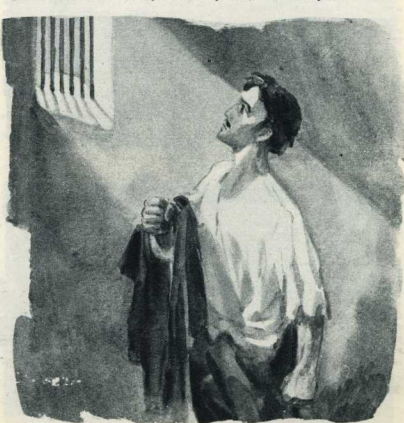
зывать турецкой молодежи о принятых на Конгрессе решениях, призывал усилить борьбу за мир. Полиция ходила по пятам Спатара и, когда он из-за обострившейся болезни лег в больницу, следила его. Прямо с больницы койки он попал в камеру пыток. Его били по пяткам, подвешивали вниз головой, вводили под кожу электрические иглы. Чтобы продлить мучения юноши, охранники отправляли его, почти бездыханного, в тюремную больницу, а когда здоровье его немного поправилось, все начинали сначала. Так продолжалось около года. Полиция добивалась, чтобы он выдал своих друзей, подписал фальшивые, провокационные документы, но ничего не получилось от Халима Спатара. Тогда вместе со сорок шестьдесятю другими патриотами он был предан суду военного трибунала.

— Халим был арестован якобы за то, что принадлежал к коммунистической партии, которая у нас запрещена, — продолжает Хасан Джан. — Мне неизвестно, был он членом Коммунистической партии Турции или нет. Но я знаю, что полиция также расследовала, хотя и безуспешно, девушку, которая вместе с Халимом ездил на фестиваль. По возрасту она, конечно, не могла быть членом компартии; ей всего семнадцать лет... Ясно, что Халим был брошен в камеру пыток за то, что он рассказывал турецкой молодежи правду о фестивале, признавал к борьбе за национальную независимость своей родины!

Хасан мрачает.

— Сегодня с нами нет здесь Халима Спатара, — говорит он. — Я не знаю, на сколько лет категори осудили нашего друга. Когда в газете я увидел его фотографию, снятую в зале суда, я не поверил, что это Халим, — так он изменился. Его жизнь и опасность. С трибуны сессии Совета Международного союза студентов мы обратились к молодежи всего мира с призывом вступить в защиту Халима Спатара...

Мы молчим. Мы понимаем Хасана, понимаем, почему ему вдруг может взгрустнуться здесь, среди друзей: он думает о своих товарищах, о своем народе.

Разговор закончит о последних событиях в Турции, о музеевской борьбе турецких докторов, отказавшихся грузить американское оружие.

— К сожалению, турецким студентам не удалось официально высказать свое отношение к событиям в Имирле: эти события произошли тогда, когда студенты были на летних каникулах. Но я уверен, что многие из них поддержали забастовщиков.

Борьба молодежи, студенчества все теснее сплетается с борьбой всего народа против засилья американцев, за национальную независимость Турции.

Принятие меджлисом и правительством Турции подготовленного неким американским специалистом, Максом Боллом, закона, передающего в руки американским монополиям нефтяные богатства страны, глубоко возмутило студентов Анкарыского университета. Один из них, студент факультета социологии, заявил: «Если все турецкие студенты готовы бороться, то для чего тогда учат нас? Мы хотим, чтобы турецкие законы разрабатывались и издавались сами турками, чтобы засилие иностранного капитала и были направлены на благо нации!»

Когда недавно на Стамбульской центральной текстильной фабрике вспыхнула забастовка, в которой приняло участие много молодых рабочих, то даже руководители «Национальной федерации молодежи Турции», весьма далекие от прогрессивных взглядов, под давлением рядовых членов организации вынуждены были выступить в защиту забастовщиков.

Своеобразную забастовку провели во время летней экзаменационной сессии, в июне этого года, учащиеся Технической школы в Стамбуле. Они отказались сдавать экзамены и среди других требований выставили также требование демократизации образования. Директор школы вылетел и пытался прибегнуть к репрессиям, но в конце концов пошла на переговоры и поощрила ряд уступок.

Отказались сдавать экзамены по программам, подготовленным американскими специалистами, и студенты Имирского лицея. А студентка Адамовского лицея Эмине открыто заявила: «Мы не желаем американского казарма и его школ! Мы протестуем против милитаризации образования!» За это смелое выступление она была схвачена полицией.

Рост политической сознательности студентов порождает мракобесов. Вот почему не так давно в меджлисе был внесен проект закона, запрещающего студентам заниматься политикой. Уже существуют законы запрещающие заниматься политической деятельностью солдат, офицеров, учителей. Новый законопроект вызывает такую бурю протестов среди молодежи, что даже профсоюзное руководство «Национальной федерации турецкой молодежи» пришлось выступить с заявлением, что «этот закон противоречит свободе мысли».

— Ни новые законы, ни полицейские преследования не в силах заставить молодежь Турции отказаться от борьбы за право на образование, за мир и свободу! — восклицает Хасан Джан. — И эта борьба каждый день рождает таких людей, как наш друг... и Хасан с гордостью произносит имя Халима Слатара.

Р. ФИШ

Ami, go home

Мэл КОЛБИ

Рассказ

Как нам стало известно, американским командованием возобновлено проведение регулярных офицерских конференций по изучению путей улучшения отношений между 400.000 американских солдат, моряков и летчиков и жителями Западной Европы».

Можно не сомневаться, что новые конференции принесут не большие пользы, чем те, которые состоялись год, два или три года назад.

И это не голословное утверждение, ибо на одной из таких конференций нам довелось присутствовать. Нас пригласили на нее подполковник американской армии Дик К. Сэнгсби.

Одним из пунктов повестки дня конференции был выбор положения в «этуражаемых участках». Но, прежде чем удалось добраться до этого пункта, все майоры, подполковники и полковники единодушно сошлись на том, что во Франции к американцам не питают враждебных чувств, за исключением разве той части страны, которая ограничена Пиренеями, Средиземным морем, Рейном, проливом Ла-Манш и Атлантическим океаном.

Конференцию открыл подполковник Сэнгсби.

— Итак, приступим к делу! — бодро воскликнул он. — Что вам нужно? Какие предложения поступают от гражданского населения?

— За все время поступило только одно предложение, — объявил майор Спрут, выполнявший функцию секретаря. — Оно пришло по почте сегодня утром, — доверительно добавил майор и развернул большой плакат, на котором все присутствующие прочли лаконичный совет: «Ami, go home!»

Подполковник Сэнгсби болезненно сморщился:

— Я бы вам советовал, майор, в дальнейшем вскрывать поступающую корреспонденцию после того, как конференция закончит свою работу.

Затем Сэнгсби, щелкнув ка-

блук, обратился к почетному гостю — эскперту по вопросам внешней политики полковнику германской армии фон Гейдельбергу, который на короткий срок был одолжен конференцией госдепартаментом.

Полковник, — сказал он как только более веселюю, — нам хотелось бы знать, в чем сутьность конфликта между нашими солдатами и французским народом?

— После многолетнего изучения различных источников, — утром мы узнали фон Гейдельбергу, — я пришел к выводу, что столь ш-

их мирными полями с утра до поздней ночи с оглушительным боем носится наши реактивные истребители.

— Абура! — фыркнул фон Гейдельбергу.

— Майор Спрут также высказывает мнение, — продолжал неутомимый Сэнгсби, — что резкое повышение цен, инфляция возникают в тех странах, куда вывозятся потоки американских валюты, и что французам это тоже не нравится.

— Красная пропаганда! — рявкнул фон Гейдельбергу.

Рисунки Е. Турова.

рокое распространение враждебного нам лозунга «Ami, go home!» вызвано тем, что американские оккупационные войска не соблюдают местных правил уличного движения.

Сэнгсби распылился в счастливые улыбки.

— Я же говорил вам, джентльмены, — сказал он, повернувшись к делегатам, — что веску шпикой какая-нибудь мелочь, дескадный пуск, что все это можно уладить в два счета! Стоит только ввести американские правила уличного движения — и все в порядке!

Сэнгсби замолчал и, ехидно улыбаясь, взглянул на майора Спрута.

— Заключение фон Гейдельберга, — сказал он Спруту, — не имеет ничего общего с нашим детским лепетом о том, что французам не любят нас потому, что над

— Спрут также осмелевает утверждать, — декламировал Сэнгсби грозным тоном, — будто французам не нравится, что наши армейские грузовики день и ночь мчатся по их стране, перемалывая в поронок французские дороги, и что французам раздражает, когда американские солдаты толкают их на улицах и бьют в ресторанах.

— Изменился! — хрюкнул фон Гейдельбергу.

Спрут, — сказал Сэнгсби прерывающимся от волнения голосом, — утверждает далее, что французский народ хочет мира и что присутствие иностранных вооруженных сил напоминает французам угроз новой войны...

— Коммунизм! — каркнул майор фон Гейдельбергу, но в эту минуту его комментарии были прерваны шумом за дверью.

— Узнайте, что там еще случилось! — сердито крикнул Сэнгсби майору Спруту.

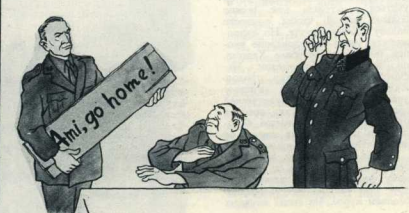
Майор вышел и через минуту вернулся, таща длинную доску, на которой было выведено красной неизменно: «Ami, go home!»

— Они пытались привезти это в подвале в здание, — сообщила он колдовски.

Помрачневший Сэнгсби молча прочел лозунг.

— Они, наверное, еще не знают, что мы собираемся отменить местные правила уличного движения, — пробормотал он и, вспомнив о своих обязанностях, объявил: — Разрешите на этом считать работу конференции законченной!

Перевел с английского Р. ДРАГИН.

ДВАДЦАТАЯ ДОЛЯ СЕКУНДЫ

Фото автора.

Во Дворце тяжелой атлетики общества «Строитель», где произошло одно из последних первенств Советского Союза по вольной борьбе, зрители с нетерпением ждали выступления чемпиона страны, призера Олимпийских игр Арама Яттыряна. Они были уверены, что опытный мастер наверняка приготовил сюрприз, и ждали интересного состязания. Но и противник Яттыряна тоже не был новичком в вольной борьбе. Прежде чем выйти в финал, он одержал несколько побед.

Было ясно, что выиграет тот, кто лучше подготовится к этой схватке, тщательнее разработал свой тактический план. Кому останется победа? Кому вручат золотую майку и золотую медаль чемпиона?

Вот на упрямый борцовский ковер вошли противники. Судья дал сигнал. Спортсмены пожали друг другу руки, и борьба началась. Осторожно передвигаясь по ковру, каждый прислушивая и изучая слабые стороны противника. В такой схватке малейшая ошибка, допущенная в атаке или в обороне, обычно приносит поражение.

Яттырян стремительно повернулся левым, противник, защищаясь, быстро подался влево. Яттырян всего лишь применил финт — обманное движение, но зато цель достигнута: сделав резкий поворот в обратную сторону, он молниеносно приблизился к своему противнику. Правая рука обхватила корпус борца, в то время как левая сковала его правую руку.

Но в вольной борьбе работают не только руки. Яттырян всегда славился умением проводить подсечки и захваты ногами. Вот и сейчас, быстро захватив левой ногой ногу противника, он обхватил его еще крепче. Затем артедан увидел, как мелькнуло в воздухе тело. В следующую секунду противник Яттыряна лежал на лопатках.

Это произошло так быстро и неожиданно, что все присутствующие были ошеломлены. Даже знатоки в спецнаде были удивлены такой быстротой победой Ятты-

ряна. Всех заинтересовал секрет этого редкого приема. Особенно хотелось изучить его молодым борцам. Но как? Ведь прием длился всего одну двадцатую долю секунды.

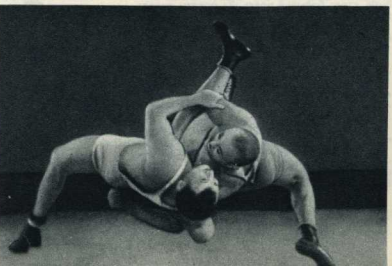
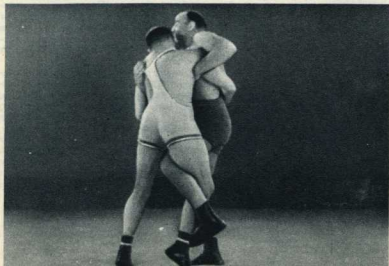
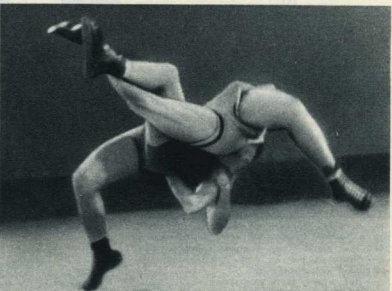
Эту встречу запечатлели на пленку операторы кинохроники. Съемка была бы обычной, а ускорения — «ранда». И через некоторое время спортсмены получили возможность подробно изучить бросок Яттыряна — на экране он воспроизводился замедленно и плавно.

Зрители увидели то, что произошло на ковре за ничтожные доли секунды. После того, как Яттырян обхватил с противником и закинул ногу (фото № 1), он резким движением оторвал противника от ковра и лишил его опоры. Левая ногой он сделал сильный толчок и одновременно с противником стал падать назад, разворачиваясь влево, но не ослабляя захвата.

В этот момент еще трудно было сказать, кто из них находился в наиболее выгодном положении для атаки (фото № 2). Яттырян испытывал большую физическую нагрузку. Противник всем своим весом давил на него. Наступила самая ответственная фаза приема, где точный расчет опытного борца дает возможность завоевать победу. Большой палец правой ноги — единственная опора, которую Яттырян использовал, чтобы перевернуться в воздухе со своим противником (фото № 3). Для этого потребовалась только одна двадцатая доля секунды. Противник был положен на лопатки, и Яттырян добился заслуженной победы (фото № 4 и 5).

...Среди молодых спортсменов, просмотревших этот фильм, был и Вахтанг Балавадзе. Он, начинающий в то время борец, понял, какое огромное преимущество дает борцу умение работать ногами. И теперь захваты, броски, подсечки ногами прочно вошли в арсенал Вахтанга Балавадзе. Именно эти приемы помогли двадцатипятилетнему борцу завоевать звание чемпиона мира по вольной борьбе.

А. КОНДАХЧАН,
кинорежиссер

ЧТО ТАКОЕ ХОРОШО

Рассказ

Витя стоит в толпе встречающих на перроне вокзала. Он ждет приезда мамы и слышит разговор двух мамных приятельниц, которые, видимо, забыли о его присутствии и во всеуслышание выражают свое мнение о прибывающей из Ялты подруге:

— Ну, сейчас приедет, будет всякие неблизки рассказывать.

— Везет ей: не работает, а каждый год на курорт ездит.

— Она, видишь ли, заявляет, что очень переутомилась. «Я»,— говорит,—ребенка воспитываю, человека из него делаю...»

Рисунки Г. Евгеньева.

Что касается ребенка, то у Вити на этот счет имеется особое мнение. Он полагает, что свои семнадцать лет прожил нелегко и виною этому исключительно семейные обстоятельства. Правда, в отличие от мамы, он считает, что папа тут совершенно ни при чем: он обычно ни во что не вмешивается и только поменяется, когда мама этого не видит. За то мама всегда, с тех пор как Витя себя помнит...

...В первый раз мама попыталась сделать из Вити человека, когда ему еще не было пяти лет. Он помнит, как утром, после завтрака, вывел из воображаемого гаража игрушечную машину, заправил ее ложечкой горячего чая и только было собрался отправиться в рейс, как вдруг мама подозвала его к себе.

— Витенья, хочешь быть знаменитым музыкантом?—спросила она.

— Нет, я хочу быть шофером.

— Не говори глупостей!—сердито сказала мама.—Одвигай!

В музыкальной школе, куда мама привела Витю, стоял большой рояль. За роялем сидела свая тетя.

— Витенья, стой что-нибудь, милый!—каким-то тоненьким голосом сказала мама.

— Я не хочу петь.

— А я говорю: пой!—уже своим голосом прошипела мама.

Витя вспомнил, как папа всегда говорил маме: «С тобой спорить бесполезно»,—и решил подчиниться. Он напустился, опустил голову и мрачно затянул:

— Помирррат нам пррановато, есть у нас еще дома дела...

Не прошло и четверти часа, как выяснилось, что у Вити нет слуха. Мама хлопнула дверью и по пути домой возмущенно говорила не то Вите, не то прохожим:

— Это почему же у нас нет слуха? У других есть, а у нас нет? Это бюрократизм! Я буду жаловаться!...

Года через два маме пришла в голову новая гениальная мысль: сделать из Вити кинактера. Но и в киностудии не постиг мужского удара: она упустила из виду, что у Вити меняются зубы и улыбка у него с дурной. В течение последующих нескольких лет так же безрезультатно закончились и другие мамини попытки «сделать из Вити человека»: ни к художественному чтению, ни к рисованию выходящих способностей у него обнаружилось

не удалось. Витя, как и подобает мужчине, стойко перенесла все испытания, но, к неудовольствию мамы, проявляя явную и постоянную склонность к технике. В школе он отдавал предпочтение математике, физике, а дома постоянно что-нибудь мастерил: пилил, сверлил, паял...

Иза-за этого Витя всегда имел неприятности, но особенно мама не любила увлечение сына техникой после того, как опоздала на выставку в Дом моделей. Перед тем днем Витя

передала лампочки на мебели, а новые изготовленные им замки унес в школу, и мама не могла открыть шкаф, чтобы взять свои лакированные туфли. А в обычной обуви, сами понимаете, нельзя же идти в Дом моделей. В другой раз мама еще больше рассердилась на Витю: он прикладывая к дверному косяку такую мощную пружину, что маме пришлось бегом спасаться от двери, которая захлопнулась со страшным грохотом. Одним словом,

похоже было на то, что из ребенка человека не выйдет.

Тем не менее мама не сдавалась. Однажды вечером, когда все были熟, она вдруг заявила:

— Нашла, наконец-то нашла!

— Что именно?—спросил папа.

— Специальность для Витеньки нашла. Золотое дно!—с упованием сказала мама.—Гомеопатом ему надо быть. Мне одна женщина в косметическом кабинете рассказывала. Она у гомеопата шариком лечится. Так к нему люди за три месяца записываются. И дело-то простое: он им шарик, они ему деньги, они ему деньги, он им шарик... Представляешь? Для Вити это просто находка!

— Да что ты, мамаш!—испуганно сказал Витя.—Я...

— Я дело говорю,—перебила мама.—О тебе забудешь.

Но тут неожиданно вмешался папа.

— Ты эти разговоры про шарик оставь!—сказал он, сердито поправив очки.—Пусть Витя сперва окончит школу, а тогда он сам выберет себе профессию. Верно, сынок, а?

Он посмотрел на Витю и улыбнулся...

Не плав ошараш: Витя ладил. Так к нему еще до того, как окончила школу. Произошло это на машиностроительном заводе, куда десятый класс пошел на экскурсию. Витя ходил по цехам, как зачарованный. Все ему нравилось, ко всему хотелось приложить руки. В инструментальном цехе Витя почувствовал, что вот здесь и есть то, о чем он мечтал. Витя с восхищением наблюдал умную работу разметочных и доводочных станков, любовно даша на зернистую поверхность калибров и осторожно протирал их рукавом, с завистью следил за уверенными движениями рук рабочих, притирающих сложные, замысловатой конфигурации шаблоны. Потрясающая точность! Тысячная доля миллиметра перестает быть арифметическим понятием и становится осязаемой величиной, послушной рукам и расчету локтевщины. Какая профессия может сравниться с этой?

— Что, нравятся!—слово угадал его мысли, спросил молодой рабочий, осторожно поворачивая трещотку микрометра.—Правильно, что нравится. Наша специальность—это, брат, высший класс!

Он хитро поглядел на улыбающегося Витю, засмеялся и сказал:

— Приходи к нам работать! Жалеть не будешь.

— Приду,—твердо ответил Витя. Самое тревожное для мамы время наступило.

ло, когда Вита окончил школу. Она купила справочник для поступающих в высшие учебные заведения и с помощью приятельниц стала выяснять, в каком вузе сколько лет учатся, кого куда посылают. И, главное, кому сколько платят. Наконец выбор был сделан, мама позвала Вито и сказала:

— Подавай заявление!
— Какое заявление?
— В институт. В этот... как его... мостологический... Ну, где учат мосты делать... зубные...
— В стоматологический? — сдерживая улыбку, переспросил Витя. — Что это ты, мама, ядрут надумала!

— Не ядрут... Я все выяснила. Знаешь, сколько людей без зубов ходит! Из каждого ста человек от сорока лет и выше у тридцати не хватает от четырех до шести зубов. В Москве несколько миллионов населения. Представляешь, сколько это мостов, не считаешь коронок! Непротивно нас мостов зубной техникой, так у него отбою нет от беззубых.

— Ладно, мама, я подумаю... неопределенно сказала Вита.

— Ты мне зубы не заговаривай! — рассердилась мама. — Тут думать нечего. Я уезжаю на курорт и вернусь в конце августа. Хочу, чтобы ты к этому времени уже был студентом. Пожалуй.

...И вот Витя идет по перрону навстречу приближающемуся вагону. Вагоны, идущаясь друг на друга, останавливаются, и мама — еще больше распознавшая, загорелая — выходит и обнимает Вито, приятельниц, папу.

— Ну как, поступил в институт? — спрашивает мама и смотрит настороженным взглядом. Папа молча усмехается, а Вита бодро отвечает:

— Поступил.
— Покажи студенческий билет!

Витя достает из кармана и протягивает ей коричневую книжечку. Мама раскрывает ее и ахает.

— Ме-шино-строительный! — дрожащим голосом провозносит она. — Я же тебе велела в этот... зубной... О, боже мой, заочный!.. Почему заочный!

— Потому что ты и поступи на работу, — решительно говорит Вита.

— На какую работу!

— На завод, в инструментальный цех. Я буду леквальником. Ты себе не представляешь, мамочка, какая это замечательная специальность!

Но мама не желает слушать, она всплескивает руками и, устремив взор к паровозной трубе, с надергом говорит:

— Боже мой! Я хотела из своего сына человека сделать, надеялась, что он мне на старости лет поможет... а он!.. Нет, я этого не вынесу! — И, мощно растопившая руками окружающих, она идет к вагону.

— Зато мне хорошо, правда, папа! — тихо говорит Вита и смотрит на отца.

Папа прикладывает палец к губам и весело поднимает сына, — дескать, молчи! Вита подхватывает чемодан, берет папу под руку, и они спокойно и уверенно идут.

ПЕРВОЕ ЗАДАНИЕ

Рассказ

Молодой фотокорреспондент Савелий Шинкин был срочно вызван в редакцию.

— Итак, Шинкин, — сказал торжественно секретарь редакции, — давай тебе первое самое интересное поручение. Поедешь по адресу Кооперативная, 5, и сфотографируешь Глушко из индустриального института для студенческой подборки к празднику. Сделать надо быстро, прояви оперативность...

Через полчаса Шинкин уже шагал по аллее, ведущей к уютному, выкрашенному в зеленый цвет домику. На его бритой голове чудом держался расшитая золотом тубейетка, на груди сверкал никелированный отделкой фотоаппарат.

Ловко перескочив через кустик аристократических цветов, фотокорреспондент очутился возле веранды, на ступеньках которой сидела девушка в пестром сарафане и читала книгу.

— Позвольте представиться, — еще не отдышавшись от быстрой ходьбы, громко начал неустойчивым басом Шинкин, — я фотокорреспондент из областной газеты... г-м... г-м... Савелий Шинкин. — Он сорвал с головы тубейетки и потряс ею в воздухе. — Мне поручено сфотографировать студента Глушко. Не можете ли вы мне помочь?

— Студент! — спросила девушка, закладывая ленточку книгу. — Это, очевидно, моего брата. — И, обернувшись к дверям, позвала: — Андрей, и тебе пришли!

На пороге веранды появился молодой человек в расшитой и остро отточенным карандашом в руках.

— Мне нужно сделать ваш портрет, — объявил Шинкин, дотрагиваясь до тубейетки. — Кстати, у вас сейчас отличное положение, лучше не придумаешь, — и он нацелился фотоаппаратом. — Попрошу... Одну минуточку... Внимание... Готово!

— Не понимаю, — пожал плечами Андрей, — почему ядрот рашии выдвелят менай. Вы не ошиблись, может быть, вам нужен не Андрей Степанович, а Степан Андреевич, мой отец!

— Нет, мне нужен студент, — деловито сказал Шинкин.

— Так он тоже студент... Работает мастером на заводе и учится на вечернем отделении института.

— Учится!.. В институте!.. — расстроенно повторил Шинкин. — Г-м... Может быть, это он... И как я забыл имя и отчество уточнить? А что если я на всякий случай Степана Андреевича сфотографирую, а?

— Как хотите, — развел руками Андрей и направился в комнату. Через минуту в окне появилось добродушное лицо пожилого человека. Шинкин подвывая к окну.

— Простую прощания, я фотокорреспондент, — выпалил он одним духом, — мне поручено вас сфотографировать.

— Меня?

— Да, да, именно вас, товарищ Глушко... Между прочим, у вас сейчас довольно хорошее положение, лучше не придумаешь... одну секундочку... Внимание. Не двигайтесь... Готово!

— Теперь объясните мне, дружище, — спросил, улыбаясь и похныкая трубой, Глушко, — чем вас так привлекала моя личность?

— Вы студент?

— Студент.

— Учитесь в индустриальном?

— Учусь.

— О вас будут писать в газете, — решительно заявил Шинкин.

— Уж если писать в газете, — выхнул трубой Глушко, — так лучше вот о ком, — он кивнул в сторону молодой женщины, сидевшей с ребенком на руках у другого окна. — Екатерина Глушко, круглая отличница, к тому же еще мать.

— Глушко?

— Да, Екатерина Глушко, жена Андрея... Шинкин двинув рукой тубейетку так, что она нависла над самым лбом.

Рисунок Г. Вальки.

— Вот оказывается... Собственно говоря, Глушко, может быть, и студентка...

Корреспондент быстро переместился к другому окну и, уже не спрашивая разрешения, приподнял фотоаппарат.

— Почему менай! — испуганно спросила женщина, засовывая ребенка в рот соску.

— Именно вас вместе с вашей дочкой. — Это не девочка, а мальчик...

— Все равно. Только, пожалуйста, не двигайтесь, держите руки девочке... простите, мальчику... Так...

Ребенок, увидев фотоаппарат, потянулся к нему и стал прыгать на коленях у матери.

— А ну, герой, ты-то-то... — хотел его успокоить корреспондент и скривил при этом такую гримасу, что дитя разразилось плачем. Понамь увидевшая малютку, Шинкин успел щелкнуть фотоаппаратом.

— Получился замечательный снимок!

— Но учтите, товарищ, что я переезжала на заочное отделение, — сказала женщина.

— И что из этого?

— Мне кажется, что в газете интересное поместить портрет студентки основного отделения, скажем, такой отличницы и общественницы, как наша Галина...

— Каким Галина?

— Галина — это я... отозвалась девушка в сарафане, читавшая книгу на ступеньках веранды.

— И вы учитесь в индустриальном институте! — резко повернулся к ней Шинкин.

— Училась... И фамилия ваша Глушко?

— Глушко.

Корреспондент сорвал с головы тубейетку и вытер вытешенный из лба пот.

— Но меня фотографировать не к чему, — сказала равнодушно Галина.

— То есть как?

— Меня только вчера снимали для журнала. — Только вчера?

Шинкин опустился на скамью.

— Между прочим, моя мама тоже студентка, — как бы невзначай заявила девушка.

— И мама?

— Да, она преподает в индустриальном институте и занимается в университете марксистско-ленинской.

— Значит, она студент-преподаватель, нет... скорее, преподаватель-студент, — бормотал Шинкин. — Где ваша мама?

— Она преподает цветно...

Корреспондент мгновенно обогнул клумбу и исчез в кустах.

Через несколько минут он снова вернулся к веранде.

На бритой голове его свистали капельки пота. Тубейетка была небрежно засунута за пояс.

— Товарищи, — робко обратился он ко всем сразу, — что, если мне запечатлеть всех вас на одном снимке? Уж тут наверняка ошибки не будет...

Шинкин входил в редакцию, уныло опустив голову. Секретаря он уже не застал. Молодой фотокорреспондент долго и путано объяснял дежурному, почему вместо одного снимка он вынужден сдать в лабораторию целый ящик.

С третью разворачивая утром газету, он увидел на второй полосе коллективный снимок мамы Глушко. А на летучке редактор объявлял Савелию Шинкину благодарность за проявленную инициативу.

А. ТЕМКИН

Случай на зайчье засидке

Далеко-далеко, где бескрайные поля сливаются с небом, заходящее солнце огненным шаром опустилось за горизонт. На западе ярче пламени зажегся зорь, а с востока, откуда выныривают негаснущие термоминеральные сумерки.

— Надо бы уже сидеть на месте, — вздыхает мой товарищ Василий Крутов.

— Пожалуй, да! Опоздаваем — сошлась я с совальем рывком кающийся с лица пот.

Обутое в валенки и одетые в теплые полушубки, мы тиснено и медленно шагаем через заснеженное бугристое поле. Вот впереди уже виднеются ометы, похонье на золотые дома. Там, в соловьи, затаив дыхание, нам придется сидеть до полнотчи, а вонит быти, и до самого рассвета. На то и охота.

Наноньчто в ступившихся сумерках, взвздои уставшие, мы подходим к первому омету. Низмо пригибаясь, Василий обходит его и горючий шлопозаг:

— Следов много, зайцы бугди! Наноньчто дало несколько хороших советов, он направляется дальше, а я остаюсь.

Вот уже выбираю место и прочь. Засидку устраивают так, что на нее не падает лунный свет. Зайцы не боятся в сумерки, охоту ведут по рукам и замираю. Сидеть надо тихо и чутко, в ометы, чтобы зорень и шуметь, у уток слабее, но зато спуск у них отменней. Чуть-чуть подвигается рука — темлебу и осветляющиеся становится свет. Даль раздвигается все шире и шире, слышна зорень зорень в собственных ушах, как будто ничего и не слышно.

Прокходит час, другой, а зайчек все нет.

Внезапно на невисоком холме повывисало черное пятно. Вспомрилось: лиса! Неужели подбежит? Нет. Хитрая козушка подкаслас стороной. Вскоре отступало из оврага доносится не то стои, не то дегский плач: ва-вах, ва-вах. То наверхина она, плутовка, залучила зазвывающейся рывучишью. Пропад ропоухий!

Мороз крепнет. Дыхание выпрывает из засованных ноздрев пара. Шапка-ушанка покрывается инеем. Бидур на снегу вправо от меня возникает длинное, узкое синее пятно; странно подпрыгивая, оно приближается к омету. Это тыня! Во чмт. Зайца! Сперва его светлосерая шубка сливается с индрищами снегом, а теперь русая, как на ладони.

Не добывая до омета метров соловьи, зайца садится на задние лапки и с минуты заливает неподвижною стоибином. Бить далекот Неониданом носом спознаывается и сметает прочь должно быти, почула неборо-рот, трусишка.

Но вот, разорвав теньшину, один за другим раскатило прогретелие настежь. То отдулились Василь. «Открыл счет первым», — подумал я с завистью и тут же услышал: «Вот так!» — и топот. Не успел сообразить, в чем дело, нан, — зайца выскочило пыха, сопя и фыркая, мимо меня промчалась испуганый табун крумных жимолостиков. Кабаны! Вспомни! Лиса! Куда так, уж след протеста.

Бегут! слышу, что-то шлоп. Кричит. Это Великий зювет к себе. Выбирарос из омета и с рывком наперебес спешу к моему напарнику.

Подбегом, глянув, возле него на сребристой-голубой снегу лежит крупный кабан-подсвинок.

— Бой! — спросил я, не веря своим глазам.

— А как же, — смеется Василий. — Ты послушай, как это получилось. Подосел я к омету, виную, насленно, а рядом думал охоту, примочку. Ну, мне сразу стало ясно, что это кабанье стадо из лесу сюда на моренку ходит. Много заловил патроны с картечью, сел в соловью и затах. Долго они не появлялись. Дуже зайчка пропустил, но сам не выгнал. Потом слышу хруст снега и фырканье. Глядь, слева кабань надул гуськом. Не доходя метров пятидесяти до омета, ветры остановился. Минут десять сошил, примочку хляваясь, да ветерок на меня, не учуял. Понимая, я из шапки выгладываю, облобовав кабанчика, который поблибе, прицелился и дал дуплет. Да светом как ураган, зоряд под самым ухом прошл...

Ошупая щетинистые бокса с густым шерошеством, я с восклицанием развал рукам:

— Бить такого чужного зверя на зайчье засидке! Это же редкость!

— Пудов пять потянет, — похвалился припомню Василий.

Я остался караулить неониданый трофей ночной охоты, а напарник мой, весело повесившая, пошел в колхоз за поводом.

Вот уже вырывается и Сейма кабань — недавние новодель. Пришли они сюда из белорусского Полесья и соседних Брянских лесов. Они быстро размножились, и теперь нередко уже встречаются стада до десятка и больше голов. Охота на диких свиней — одна из интереснейших, но зато и одна из труднейших зверовых охот.

Дивный зверь — зверь сильный и осторожный. Служ у него острый, мутье тонкое. Охотничья работа нитье не только опыт и корыстоу спортивную залулку, но и безупречно знать повадки этого зверя.

П. СТЕБАРОВ

СМЕНА В нахмате:

- П. Подаяшум — Под частинной охотничьей звездой.
- И. Кобелев, Г. Куревен — На Быховской стороне.
- Григорий Тютомянин — Буду верным тебе другом! Рассказ.
- Владимир Ганягин — С юмочкуватыми людьми.
- В. Куняев — Броил миро.
- Степан Юрий Подгородников — Со стны. Стихи.
- Лев Сорочкин — На грашине.
- Николай Вукни — Морская песня. Стихи.
- И. Демберинов — Полгода спустя.
- Ю. Ватушков — «Девичий вепиль».
- Д. Заславский — Великий поэтматемик.
- Р. Фиш — Один из наших друзей.
- М. Когаби — «Али, го home!» Рассказ.
- А. Коидачкин — Двдцатилетняя соловья.
- Я. Дымский — Что такое хорошо. Рассказ.
- А. Темкин — Первое задание. Рассказ.

НАХМАТЫ

ЛЯТЬ ФЕРЗЕЙ НА ШАХМАТНОЙ ДОСКЕ

Каждый любитель шахмат знает, что пешка, доходя до последней горизонтали, превращается в какую-нибудь фигуру. Чаще всего в ферзя, или пешку, стоящую на шахматных фигурах. Теоретически доска может быть занята ферзьями одинакового цвета. — в том случае, если одной из сторон удастся все свои пешки провнести в ферзи. Однако практически это невозможно. Ферзь с трудом удастся одной пешку провнести в ферзи. Реально, очень редко в шахматной практике встречается случай, когда в игре участвуют два ферзя одного цвета. Такого партия насчитывается единицами.

Но в свое время была сыграна партия, в которой у одного из играющих было на доске целых три ферзя, у другого — два. Такое «башматическое» положение встретилось в партии замечательного русского шахматиста, чемпиона мира 1927—1935 годов и 1937—1946 годов А. А. Алекшина, которую он сыграл в 1915 году в Москве.

Дважды играл белыми. Вначале был разгранен один из вариантов французской защиты.

1. e4 — e5 67 — 65
2. g2 — g4 67 — 65
3. h3 — c3 68 — 16
4. c1 — e5

Под редакцией мастера Л. Абрамова

5. e4 — e5 67 — 16
6. e5 — f6

Тан охотли играть великий русский шахматист М. И. Чигорин. Другой продолжение звет 6. e2 — d2.

6. e2 — f3 65 — 16
7. h2 — h4 65 — 16
9. f4 — e4 67 — 16

Ошибочное ходы, которые вертуются Александру. Правильные

10. h1 — f1 Ф6: 17 * 11. Ф4: e7 Лб7: e7 12. h1 — h3 + С4 — f8: 6

10. e2 — e3 67 — 16
11. e4 — e5 65 — 16
12. h4 — h5 11

Жертвуя lion, белые форсуют, что продвижение своей крайней

12. h5 — h6 44: c3
14. Л1 — h1 Ф4: a5 + 15. Кр1 — e2 Ф4: b1
16. h6 — b7 Ф1: a7 — 67
17. e4 — e5 Ф1: c2 +
18. Кр2: f7 К18 — c61

трояком положением черные изобретательно защищаются, со-звывая встречные угрозы.

19. Кр2: f7 67 — 65
21. Ф7 — f4 + Кр7: h6
22. Ф6: e5 — С7: c5
23. e7 — e6 К2 — b1Ф

Вот эта удивительная позиция с пятью ферзями! Несмотря на то, что у белых лишняя ферзь, путь к победе найтти мы не так легко, так как черные зорень весьма опасны очень активно. Белые выигрывают здесь красивым ходом 24. h4 — h5. Угроза матов в один ход посредством 25. Ф8 — d8X. На 24. Ф1: f7 послушай 25. Ф4 — h4! Ф1: h5 26. Ф8 — d8 + Кр6 — a6 27. Ф3 — a3 + и мат черному королю.

А. А. Алекшин в своих комментариях к этой партии писал, что это «замечательное положение, несомненно, является единственным в своем роде».

Мастер В. ЛЮБИНСКИЙ.

На первом страннике обогреть. За высокопроизводительный труд на волюх совхоза «Дерзавский», Октябрьского района, Северо-Кавказской области, комсомольско-молодежной бригады № 8 присужден переходный выезд. На с ним и с секретарем партийной организации Н. И. Нинитеном вручает выезд лучшее транспортное средство Пауку Зубов. Фото Л. Раскина.

На четвертой стране — в Пятигорске. Фото В. Тюгеева.

Оформление номера — П. Шавырина и З. Писеловой.

В доме культуры МЕТАЛЛУРГОВ

Фото М. Озерского.

Велики культурные завоевания трудящихся в нашем социалистическом государстве, где партия и правительство проявляют неустанную заботу о благо человека, где созданы все условия для культурной, радостной жизни. Нет такого уголка в нашей необъятной стране, где бы после трудового дня рабочий человек не имел возможности культурно отдохнуть. Для советского народа широко открыты двери многочисленных театров и музеев, дворцов культуры и клубов, красных уголков и изд-читален.

Полноценной творческой жизнью живет Дом культуры Магнитогорского металлургического комбината. По вечерам, когда в широких окнах заигрывают огни, сюда приходит рабочий, инженеры и служащие комбината. Одни спешат на занятия музыкального или хорового кружка, другие — на репетицию нового спектакля или в студию изобразительного искусства, третьи — просто провести вечер в уютно обставленных комнатах отдыха.

На экране Дома культуры демонстрируются новые кинокартины, на сцене славы участников художественной самодеятельности ставятся различные пьесы. Есть во Дворце культуры богатая библиотека, читальные залы, шахматные и шашечные столы. Есть чем заняться, есть где культурно отдохнуть молодым рабочим комбината.

На снимках: 1. В студии изобразительного искусства. 2. В детской библиотеке. 3. Выступление хора русской народной песни. 4. Сцена из спектакля «Власть тьмы» Л. Н. Толстого в исполнении членов драматического кружка Дома культуры. 5. На репетиции музыкального кружка.

Цена номера
2 руб.

